

ПРОЗА, КОТОРАЯ РЕЖЕТ НАСКВОЗЬ...
ИСКУСНО СОТКАННЫЙ СЮЖЕТ
И ЛЕДЯЩИЙ КРОВЬ САСПЕНС.
LIBRARY JOURNAL

МАЙКЛ **КОННЕЛЛИ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 80 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПОСЛЕДНИЙ КОЙОТ

Гарри Босх

Майкл Коннелли
Последний койот

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Последний койот / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
1995 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-22191-8

В жизни Гарри Босха, детектива полиции Лос-Анджелеса, наступает черная полоса: его дом разрушен землетрясением, от него уходит любимая женщина и... он временно отстранен от работы за рукоприкладство. Зато теперь у Гарри появился досуг, чтобы изучить старые материалы дела об убийстве, произошедшем в далеком 1961 году. Это лично касается Босха: жертвой была его мать, «девушка по вызову». Почему преступление осталось нераскрытым? Кто истинный виновник ее смерти? В общем, не праздное любопытство вынуждает Босха противостоять демонам прошлого, и в ходе расследования выясняется, что все ниточки ведут к роскошной резиденции на Голливудских холмах. Босх приближается к разгадке с каждым шагом, и каждый шаг может оказаться последним...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22191-8

© Коннелли М., 1995

© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Майкл Коннелли

Последний койот

Michael Connelly

THE LAST COYOTE

Copyright © 1995 by Michael Connelly

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© И. А. Тетерина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

* * *

Глава 1

– Ну, есть у вас какие-нибудь соображения?

– Какие соображения?

– Да какие угодно. По поводу инцидента.

– По поводу инцидента? Да, кое-какие имеются.

Она ждала продолжения, но он молчал. Он еще до того, как доехал до Чайна-тауна, решил, что все будет на его условиях. Пусть вытягивает из него каждое слово.

– Вы не могли бы поделиться ими со мной, детектив Босх? – спросила она наконец. – Ведь мы с вами тут ради этого и...

– Я считаю, что все это бред. Абсолютный бред. Вот ради чего мы тут.

– Стоп, погодите. В каком смысле бред?

– Ну, то есть да, я толкнул этого придурка. Наверное, даже ударил. Я не помню точно, как именно все было, но я же ничего не отрицаю. Ну, ладно, отстраните меня на время, переведите в другой отдел, вызовите на дисциплинарную комиссию, что угодно. Но вот это все устраивать – бред. Этот принудительный отпуск – бред. Почему я должен трижды в неделю таскаться к вам на эти разговоры, как будто какой-то... Вы же меня вообще не знаете, вы ни малейшего представления обо мне не имеете. Почему я должен с вами разговаривать? Зачем мне ваш допуск?

– Ну, технически ответ находится в вашем собственном заявлении. Вместо того чтобы наказывать вас, руководство хочет, чтобы вы прошли терапию. Вас отправили в принудительный отпуск, что означает...

– Я знаю, что это означает, и это и есть бред. Кто-то по велению своей левой пятки решает, что я нахожусь в состоянии стресса, и это дает руководству право отстранить меня от работы на неопределенное время, ну или по крайней мере до тех пор, пока я тут достаточно перед вами не поумняюсь.

– Ничья левая пятка тут ни при чем. Решение руководства было обусловлено вашими действиями, которые, на мой взгляд, недвусмысленно свидетельствуют о том, что...

– То, что произошло, было никак не связано со стрессом. Это было связано с... а, не важно. Я уже сказал, что это бред. Давайте не будем разводить турусы на колесах и перейдем сразу к сути. Что я должен сделать, чтобы вернуться к работе?

Ее глаза гневно сверкнули. Полное пренебрежение с его стороны к ее науке и квалификации задело ее за живое. Гнев ее, впрочем, быстро улегся. Постоянно имея дело с полицейскими, она наверняка должна была к такому привыкнуть.

– Неужели вы не понимаете, что все это ради вашего же собственного блага? Я полагаю, ваше руководство считает вас ценным активом, в противном случае вы бы здесь не оказались. Вас попросту уволили бы по дисциплинарной статье. А они делают все возможное для того, чтобы спасти вашу карьеру и ее текущую ценность для отдела.

– Ценным активом? Я полицейский, а не актив. И когда ты на улице, никто не думает ни о какой текущей ценности. Что это, кстати, вообще такое? Мне что, постоянно придется выслушивать подобное словоблудие?

Она откашлялась, потом строгим тоном произнесла:

– У вас есть проблема, детектив Босх. И она гораздо масштабнее, нежели тот инцидент, в результате которого вас отправили в вынужденный отпуск. Это именно то, чему будут целиком и полностью посвящены наши сессии. Вы понимаете? Это не единичный инцидент. У вас уже и раньше были проблемы. Что я сейчас пытаюсь сделать – без этого я не смогу подписать вам допуск к исполнению ваших обязанностей в любом качестве, – это вынудить вас заглянуть внутрь самого себя. Что вы делаете? Какие цели преследуете? Почему с вами происходят все

эти события? Я хочу, чтобы наши с вами сессии представляли собой открытый диалог, когда я задаю вопросы, а вы высказываете свои мысли, но с определенной целью. И цель эта заключается не в том, чтобы нападать на меня и мою профессию или на руководство вашего отдела, а в том, чтобы поговорить о вас. В фокусе тут только вы, и никто иной.

Гарри Босх молча смотрел на нее. Ему страшно хотелось курить, но он был совершенно не готов просить у нее разрешения. Не хватало только признаться ей в своем пристрастии. Еще, чего доброго, заведет шарманку про оральную фиксацию и никотиновые костыли. Он сделал глубокий вдох и принялся разглядывать женщину за столом напротив него. Кармен Инохос была миниатюрной брюнеткой с дружелюбным лицом и манерой держаться. Босх понимал, что она неплохой человек. Он даже слышал про нее хвалебные отзывы от тех, кого отправляли в Чайна-таун. Она просто делала свою работу, а его гнев на самом деле был направлен не на нее. И у нее, скорее всего, хватало ума тоже это понимать.

– Послушайте, я должна попросить у вас прощения, – произнесла она. – Мне не следовало начинать наш разговор с открытого вопроса. Я понимаю, что для вас все это нелегко. Давайте попробуем начать сначала. Да, кстати, можете курить, если вам так хочется.

– Это тоже было в моем досье?

– В досье этого не было. Но тут никакого досье не нужно. Вы постоянно подносите руку ко рту. А вы не пробовали бросить?

– Нет. Но в государственных учреждениях курить запрещено. Вы же знаете правила.

Отговорка была неубедительная. Он сам ежедневно нарушал этот закон, куря в помещениях полицейского участка.

– Здесь это правило не действует. Я не хочу, чтобы вы считали этот кабинет частью Паркер-центра или государственным учреждением. Это главная причина, по которой наш офис вынесен за их пределы. Здесь эти правила не действуют.

– Не важно, где мы находимся. Вы все равно работаете на УПЛА.

– Постарайтесь думать, что вы сейчас вдалеке от Управления полиции Лос-Анджелеса. Когда вы здесь, старайтесь представлять, что приходите повидаться с другом. Поговорить. Здесь вы можете говорить что угодно.

Босх знал, что ее нельзя считать другом. Ни за что. Слишком многое стояло на кону. И тем не менее он коротко кивнул, чтобы сделать ей приятное.

– Не очень-то убедительно.

Он дернул плечами, как будто говоря, что это максимум, на который он способен, и это так и было.

– Кстати, если хотите, я могла бы избавить вас от никотиновой зависимости при помощи гипноза.

– Если бы я хотел бросить, я бросил бы. Люди делятся на курильщиков и нет. Я курильщик.

– Да. Это, пожалуй, самый характерный симптом личности, склонной к саморазрушению.

– Простите, меня отправили в отпуск, потому что я курю? Из-за этого весь сыр-бор?

– Я думаю, вы прекрасно понимаете, из-за чего он.

Он не стал ничего отвечать, придерживаясь своего решения говорить как можно меньше.

– Что ж, тогда давайте продолжим, – произнесла она. – Вы находитесь в отпуске уже... так, во вторник будет неделя?

– Угу.

– И чем вы все это время занимались?

– Главным образом заполнял разнообразные бумажки на дом.

– На дом?

– Мой дом пострадал во время землетрясения. Правительственная комиссия признала его непригодным для проживания.

– Но землетрясение было три месяца назад. Что же вы так затянули?

– Мне было некогда. Я работал.

– Ясно. У вас хоть страховка была?

– Что вам ясно? Ничего вам не ясно. Вы никогда не сможете взглянуть на вещи моими глазами. Нет, страховки не было. Как и почти все остальные, я жил в отрицании. Так это называется на вашем птичьем языке, да? У вас-то наверняка страховка была.

– Была. Сильно ваш дом пострадал?

– Это как посмотреть. Инспекторы говорят, его теперь только под снос, даже внутрь заходить нельзя. А я считаю, что все нормально, нужно только кое-что подремонтировать. Меня в строительном магазине уже в лицо узнают. Я нанял бригаду. Они скоро все закончат, и тогда я буду оспаривать решение комиссии. У меня уже есть адвокат.

– И вы сейчас так там и живете?

Он молча кивнул.

– Вот это совершенно определенно отрицание, детектив Босх. Не думаю, что вы поступаете разумно.

– А я не думаю, что вас хоть как-то касается то, что я делаю в свободное от работы время.

Она вскинула руки, признавая его правоту:

– Что ж, хотя я этого и не одобряю, наверное, тут можно найти и свои положительные стороны. Хорошо, что у вас есть дело, которым вы можете заняться. Хотя я лично предпочла бы, чтобы это был какой-то спорт, хобби или, возможно, планы куда-то выехать из города. Думаю, вам сейчас очень важно чем-то себя занимать, чтобы не думать об инциденте.

Босх ухмыльнулся.

– Что такое?

– Даже не знаю. Все почему-то упорно называют то, что произошло, «инцидентом». Сразу вспоминается Вьетнамская война, которую предпочитали именовать конфликтом, а не войной.

– Ну, хорошо, а вы сами как назвали бы то, что произошло?

– Не знаю. Но инцидент... это звучит как-то... не знаю. Безлико. Слушайте, доктор, давайте вернемся немного назад. Я не хочу никуда уезжать из города. Я ловлю убийц. Это моя работа. И мне очень хотелось бы к ней вернуться. Думаю, я могу принести еще кое-какую пользу обществу.

– Если руководство вам позволит.

– Если вы дадите мне допуск. Вы же знаете, что это будет зависеть от вас.

– Возможно. Вы никогда не обращали внимания на то, что говорите о своей работе как о некой миссии?

– Ну, примерно так оно и есть. Это ж практически святой Грааль.

Он произнес это с сарказмом в голосе. Терпеть это становилось уже совершенно невозможно, а ведь это была всего лишь первая сессия.

– В самом деле? Вы действительно считаете, что ваша миссия – раскрывать убийства, сажать преступников в тюрьму?

Он снова дернул плечом – в знак того, что не знает. Потом поднялся и, подойдя к окну, устремил взгляд на Хилл-стрит. По тротуарам спешили толпы пешеходов. Каждый раз, когда он оказывался в этом квартале, на улицах были толпы. Он обратил внимание на двух женщин европейского вида. В море азиатских лиц они выделялись, как изюминки в рисе. Женщины поравнялись с витриной китайской мясной лавки, и Босх разглядел за стеклом рядок подвешенных за шеи копченых утиных тушек.

Дальше по улице виднелся переброшенный через Голливудское шоссе виадук, темные окна старой тюрьмы и здание Уголовного суда. Слева серела громада городской администрации. Верхние этажи были затянуты черным строительным брезентом. Выглядело это как знак траура, но Босх знал, что брезент призван предотвратить падение строительного мусора во

время восстановительных работ после землетрясения. За зданием городской администрации виднелась Стекляшка. Паркер-центр, штаб-квартира Управления полиции Лос-Анджелеса.

– Расскажите мне, в чем заключается ваша миссия, – негромко произнесла у него за спиной Инохос. – Я хотела бы, чтобы вы это сформулировали.

Он снова сел и попытался облечь свои мысли в слова, но в конце концов лишь покачал головой.

– Я не могу.

– Ну, я хочу, чтобы вы об этом подумали. Ваша миссия. В чем именно она заключается? Подумайте об этом.

– Доктор, а ваша миссия в чем заключается?

– Это сейчас не имеет для нас никакого значения.

– Разумеется, имеет.

– Послушайте, детектив, это единственный личный вопрос, на который я вам отвечу. Мы здесь не ради того, чтобы разговаривать обо мне. Мы здесь ради того, чтобы разговаривать о вас. Моя миссия, в моем понимании, заключается в том, чтобы помогать мужчинам и женщинам, работающим в отделе. Это если в узком смысле. А если в более широком – занимаясь этим, я помогаю обществу, я помогаю всем, кто живет в этом городе. Чем лучше полицейским, которые патрулируют наши улицы, тем лучше нам всем. Тем в большей безопасности мы все находимся. Устроит вас такой ответ?

– Сойдет. Применительно к моей миссии, вы хотите, чтобы я уложил свой ответ в пару подобных предложений и отрепетировал их, чтобы от зубов отскакивало?

– Мистер... э-э-э... детектив Босх, если вы намерены и дальше ерничать и огрызаться, мы с вами далеко не уедем, а это означает, что вы в ближайшее время не сможете вернуться к работе. Это именно то, чего вы пытаетесь добиться?

Босх вскинул ладони, признавая поражение. Она уткнулась в свой желтый блокнот, и он получил возможность разглядеть ее повнимательнее. У Кармен Инохос были маленькие смуглые руки, которые она положила перед собой на стол. Никаких колец. В правой руке она держала дорожную на вид ручку. Босх всегда считал, что дорогие ручки – удел людей, чрезмерно озабоченных впечатлением, которое они производят на окружающих. Но, возможно, в случае с Инохос это было не так. Ее темно-каштановые волосы были забраны в хвост на затылке. На переносице – очки в тонкой черепаховой оправе. Ей следовало бы в детстве выпрямить зубы, но они так и остались кривоватыми. Она подняла глаза и встретила с ним взглядом.

– По моим сведениям, этот инци... эта ситуация совпала по времени или произошла вскоре после того, как у вас случился разрыв романтических отношений.

– И откуда у вас эти сведения?

– Из материалов досье, которое мне предоставили. Источники этих материалов не имеют значения.

– Нет, еще как имеют, потому что ваши источники никуда не годятся. Это не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Разрыв, как вы его называете, произошел почти три месяца тому назад.

– Боль от таких событий может длиться куда дольше. Я понимаю, что это личное и что вам может быть тяжело об этом говорить, но, думаю, поговорить следует. Это даст мне возможность сделать выводы о вашем эмоциональном состоянии в момент нападения. Вам это будет сложно?

Босх взмахнул рукой.

– Как долго вы состояли в этих отношениях?

– Около года.

– Официально?

– Нет.

– А речь о том, чтобы их узаконить, заходила?

- Нет, в открытую – никогда.
- Вы жили вместе?
- Время от времени. У каждого из нас было свое жилье.
- Вы расстались окончательно?
- Думаю, да.

Кажется, произнеся эти слова сейчас вслух, Босх впервые признал, что Сильвия Мур исчезла из его жизни навсегда.

- Расставание произошло по взаимному согласию?

Босх кашлянул, прочищая горло. Говорить на эту тему ему не хотелось, но нужно было покончить с этим.

– Наверное, можно сказать, что по взаимному, но узнал я об этом только после того, как она собрала вещи. Три месяца назад мы с ней обнимали друг друга в постели, когда дом ходуним ходил во время землетрясения. Можно сказать, что она ушла еще до того, как закончились остаточные толчки.

- Они до сих пор не закончились.
- Это просто фигура речи.
- Вы хотите сказать, что причиной разрыва ваших отношений стало землетрясение?

– Нет, я такого не говорил. Я сказал, что это произошло в одно и то же время. Вернее, сразу после. Она работала учительницей в школе в Вэлли, и ее школа оказалась разрушена. Учеников перевели в другие учебные заведения, и так много учителей стало не нужно. Им предложили взять отпуск на год, и она согласилась. И уехала из города.

– Из страха перед новым землетрясением или из страха перед вами? – Она в упор посмотрела на него.

- С чего бы ей было испытывать передо мной страх?

Он отдавал себе отчет в том, что тон у него несколько оборонительный.

- Не знаю. Я просто задаю вопросы. Вы давали ей какие-то основания вас бояться?

Босх замялся. Это был вопрос, которого он в своих сокровенных мыслях об их разрыве с Сильвией никогда не касался.

– Если вы имеете в виду в физическом отношении, то нет, она не испытывала передо мной страха, и я не давал ей к этому никаких оснований.

Инохос кивнула и что-то записала в своем блокноте. Босха беспокоило, что она собралась делать записи.

– Послушайте, это не имеет никакого отношения к тому, что случилось в участке на прошлой неделе.

- Почему она ушла? Что было настоящей причиной?

Босх отвел взгляд. Его переполняла злость. Так оно дальше и будет. Она будет задавать ему любые вопросы, какие взбредут ей в голову. Лезть к нему в душу при каждой возможности.

- Я не знаю.

– Нет, так не пойдет. Я думаю, вы знаете или, по крайней мере, предполагаете, почему она решила уйти. Вы должны это знать.

- Она выяснила, кто я такой.
- Она выяснила, кто вы такой? И что это означает?
- Это у нее надо спрашивать. Это же она так сказала. Только она сейчас в Венеции. В той, что в Италии.

- Ну, тогда, по вашему мнению, что она имела в виду?

– Мое мнение не имеет никакого значения. Она же это сказала, и она от меня ушла.

– Не кипятитесь, детектив Босх. Пожалуйста. Мое самое горячее желание – это чтобы вы вернулись к работе. Как я уже сказала, это моя миссия. Вернуть вас в строй, если вы будете способны вернуться. Но вы такой сложный человек, что это все усложняет.

- Может, это и есть то, что она выяснила. Что я сложный человек.
- Сомневаюсь, что все так просто.
- А я иногда – нет.

Она посмотрела на часы и наклонилась вперед, явно недовольная тем, как проходит сессия.

– Ладно, детектив, я вижу, что вам тяжело об этом говорить. Оставим пока эту тему, но я подозреваю, что в будущем нам все равно придется к ней вернуться. Я хочу, чтобы вы над ней поразмыслили. Попытались облечь свои чувства в слова.

Инохос умолкла, ожидая от него какого-то ответа, но он ничего не сказал.

– Давайте попробуем еще раз поговорить о том, что произошло на прошлой неделе. Насколько я понимаю, это имеет отношение к делу об убийстве проститутки, которое вы расследовали.

- Да.
- Оно было жестоким?
- Это вопрос определений. Смотря что под этим понимать.
- Ну, хорошо. Тогда так: в вашем понимании это было жестокое убийство?
- Да, жестокое. Убийство – это вообще жестокость. Когда человека убивают, это жестоко.

По отношению к нему.

– И вы задержали подозреваемого?

– Да, мы вдвоем с напарником. Вернее, нет. Он добровольно согласился проехать с нами в участок, чтобы ответить на вопросы.

– Это убийство задело вас за живое сильнее, чем, скажем, другие подобные дела, которые вы расследовали?

– Возможно. Не знаю.

– А почему?

– Вы имеете в виду, с чего бы мне переживать из-за проститутки? Я и не переживал. Ну, то есть не больше, чем из-за любой другой жертвы. Впрочем, я в своей работе стараюсь придерживаться одного правила.

– И что же это за правило?

– Или все имеют значение, или никто не имеет.

– Поясните, пожалуйста.

– Что тут пояснять? Или все имеют значение, или никто не имеет. Точка. Это означает, что я буду абсолютно одинаково рвать задницу ради того, чтобы раскрыть убийство хоть проститутки, хоть жены мэра. Это мое правило.

– Я поняла. А теперь давайте поговорим об этом конкретном деле. Мне хотелось бы услышать от вас рассказ о том, что произошло после задержания, и о причинах, которыми мог быть обусловлен ваш срыв в участке.

– Наш разговор записывается?

– Нет, детектив, все, что вы мне говорите, защищено законом о врачебной тайне. По итогам наших сессий я просто выдам заместителю начальника отдела Ирвингу заключение. Никакие подробности наших сессий раскрыты не будут. Заключение, которое я даю, обычно уместается на половине листа и не содержит подробностей этих диалогов.

– Эти пол-листа дают вам немалую власть над людьми.

Инохос ничего не ответила. Босх ненадолго задумался, глядя на нее. Она производила впечатление человека, заслуживающего доверия, но природное чутье и жизненный опыт твердили ему, что доверять нельзя никому. Она, похоже, поняла, перед какой дилеммой он оказался, потому что просто молча ждала.

– Значит, вы хотите услышать мою версию этой истории?

– Да, хочу.

– Ладно, я расскажу вам, что случилось.

Глава 2

Всю дорогу домой Босх курил не переставая, но в конце концов понял, что для того, чтобы унять нервы, ему сейчас на самом деле нужна не сигарета, а выпивка. Он взглянул на часы и пришел к выводу, что в бар ехать рановато. Поэтому закурил еще одну сигарету и поехал домой.

Преодолев Вудро-Вильсон-драйв, он припарковался у обочины в полуквартале от дома и прошелся в обратную сторону пешком. Откуда-то доносилась негромкая фортепианная музыка, что-то классическое, но кто это мог играть, он не знал. С соседями он практически не общался и представления не имел, кто из них умеет играть на пианино. Поднырнув под желтую ленту, которой был обнесен его участок, он через дверь зашел в примыкающий к дому гараж.

Парковаться дальше по улице и скрывать тот факт, что он живет в собственном доме, за эти три месяца уже стало для него делом совершенно обыденным. После землетрясения дом был признан непригодным для проживания и определен под снос. Но Босх проигнорировал предписания жилищной инспекции, срезал с электрического щитка замки и все три месяца в нем жил.

Это был маленький домик, обшитый коричневой вагонкой и стоящий на стальных сваях; сваи были вбиты в пласт осадочных пород, который сложился и сформировался в тот период, когда горный хребет Санта-Моника выдвигался вверх из пустыни на протяжении мезозойской и кайнозойской эры. Во время землетрясения сваи выстояли, а вот сам дом сместился, частично отделившись от свай и противосейсмических креплений. Съехал в сторону, всего-то на пару дюймов, но этого оказалось достаточно. Незначительное смещение обернулось большим ущербом. Каркасную конструкцию перекосило, оконные и дверные проемы повело. Стекла лопнули, входную дверь намертво заклинило в дверной коробке, которая вместе со всем остальным строением накренилась к северу. Если бы Босх захотел ее открыть, ему, пожалуй, пришлось бы взять напрокат полицейский бронетранспортер с тараном. Он и дверь гаража-то вынужден был вскрывать при помощи ломика. Теперь эта дверь служила парадным входом в его жилище.

Босх заплатил подрядчику пять тысяч долларов, чтобы дом приподняли при помощи домкратов и сдвинули назад на те самые злосчастные два дюйма. Затем его водрузили обратно на полагающееся место и заново укрепили на сваях. После этого Босх в свободное от работы время принялся своими руками потихоньку приводить в порядок окна и внутренние двери. Первым делом он застеклил окна, а в последующие месяцы заново смонтировал дверные коробки и перевесил двери. Не имея никакого опыта, он вооружился справочниками по плотницкому делу и все равно вынужден был практически каждую дверь переделывать по два-три раза, пока не удавалось добиться мало-мальски приличного результата. И тем не менее он обнаружил, что занятие это доставляет ему удовольствие и даже обладает в некотором роде терапевтическим эффектом. Работа руками давала возможность отвлечься от будней убойного отдела. Входную дверь он оставил как есть, решив, что и так сойдет. Пусть будет памятником силам природы. А его и через гараж ходить вполне устраивает.

Впрочем, все его усилия не помогли исключить дом из городского списка зданий, подлежащих сносу. Гауди, инспектор, отвечавший за его сектор, наотрез отказался изменить статус дома, несмотря на всю проделанную Босхом работу. Так началась игра в кошки-мышки, в которой Босх прокрадывался в свое собственное жилище и из него тайком, точно шпион в иностранное посольство. Окна, выходящие на улицу, он затянул изнутри черной пластиковой пленкой, чтобы ненароком не выдать себя предательским светом. И всегда, всегда высматривал Гауди. Гауди был его проклятием.

А пока что Босх нанял адвоката, чтобы оспорить вердикт инспектора.

Из гаража дверь вела прямо в кухню. Едва войдя, Босх открыл дышащий на ладан холодильник, достал банку кока-колы и некоторое время стоял перед распахнутой дверцей, наслаждаясь приятной прохладой и задумчиво созерцая его содержимое в поисках чего-нибудь такого, что стоило бы на ужин. Он наперечет знал все, что лежало на полках и в ящиках, и все равно смотрел, как будто надеялся, что где-нибудь неожиданным образом обнаружится бифштекс или куриная грудка, про которую он забыл. Это был типичный ритуал одинокого мужчины. И это тоже он знал.

Устроившись на террасе с тыльной стороны дома с колой и сэндвичем, который он соорудил себе из хлеба пятидневной давности и ветчины из пластиковой упаковки, Босх пожалел, что нет чипсов, поскольку после ужина, состоящего только из сэндвича, он очень скоро должен был неминуемо проголодаться снова.

Покончив с едой, он подошел к ограждению террасы и устремил взгляд на Голливудское шоссе, по вечернему времени понедельника забитое машинами. Он успел выбраться из деловой части города перед самым началом часа пик. Придется ему очень внимательно следить за тем, чтобы не задерживаться на приемах у этой психологини. Они были назначены на половину четвертого по понедельникам, средам и пятницам. Интересно, эта Кармен Инохос когда-нибудь позволяет своим сессиям затянуться сверх положенного? Или ее рабочая миссия строго ограничена рамками с девяти до пяти?

Отсюда, с горы, ему были хорошо видны почти все полосы шоссе, проложенного через перевал Кауэнга в направлении долины Сан-Фернандо. Он снова и снова прокручивал в голове все сказанное во время сессии, пытаясь решить, хорошая это была сессия или нет, но мысли разбредались, и он принимался наблюдать за точкой, где шоссе выныривало из-за гребня перевала. Рассеянно выбрав какие-нибудь две машины, показывавшиеся на гребне плюс-минус одновременно, он отслеживал их на отрезке шоссе приблизительно в милю длиной, который был виден ему с террасы, ставил на какую-то из них и наблюдал за гонкой без ведома ничего не подозревавших водителей, провожая их взглядом до финишной черты, которой служил съезд на бульвар Ланкершим.

Через несколько минут такого времяпрепровождения Босх осознал, что делает, и отвернулся, чтобы не смотреть на шоссе.

– Твою ж мать, – выругался он вслух.

Именно тогда к нему пришло понимание, что недостаточно будет просто занять чем-то руки на время отстранения от работы. Он вернулся в дом и достал из холодильника бутылку пива, но не успел откупорить ее, как раздался телефонный звонок. Звонил его напарник Джерри Эдгар. Возможность отвлечься от тишины обрадовала Босха.

– Ну, Гарри, как все прошло в Чайна-тауне?

Поскольку каждый полицейский втайне опасался, что в один прекрасный день может, не выдержав нагрузки, сорваться и стать кандидатом на психотерапевтические сессии в отделе поведенческого анализа, это подразделение в управлении редко именовали официальным названием. Про походы на сессии в ОПА обыкновенно говорили «ездить в Чайна-таун», поскольку офисы отдела располагались на Хилл-стрит, в нескольких кварталах от Паркер-центра. Если про кого-то из полицейских становилось известно, что он туда ходит, по управлению начинали распространяться толки о том, что у него Хилл-стрит-синдром, а шестизэтажное здание, в котором размещались офисы ОПА, было известно под названием «номер пятьдесят один пятьдесят». И это был не адрес. Это был полицейский радиокод, обозначающий психически нездорового человека. Подобные коды были частью защитной структуры, использовавшейся с целью преуменьшить и, следовательно, легче обуздать собственные страхи.

– Все прошло просто зашибись, – саркастическим тоном отозвался Босх. – Попробуй как-нибудь тоже, очень рекомендую. Сижу вот теперь, машины на шоссе считаю.

– Ну, по крайней мере, ты оттуда не сбежал.

– Угу. Ну а у тебя какие новости?

– Паундз наконец-то это сделал.

– Что сделал?

– Поставил меня в пару с новым человеком.

Босх немного помолчал. Ну вот и все. Возможно, он никогда больше не вернется на работу.

– В самом деле?

– Ну да, поставил все-таки в конце концов. Мне сегодня утром поручили новое дело. Так что он поставил со мной в пару одного из своих подпевал. Бернса.

– Бернса? Из отдела автоугонов? Он же никогда не работал в убойном. У него вообще опыт раскрытия ППЛ есть?

Детективы в управлении, как правило, избирали для себя одну стезю из двух потенциально возможных. Одни специализировались на имущественных преступлениях, другие – на преступлениях против личности. Последние включали в себя убийства, изнасилования, вооруженные нападения и грабежи. Детективы из отдела ППЛ расследовали более сложные дела и обыкновенно смотрели на своих коллег из отдела имущественных преступлений свысока, считая тех канцелярскими крысами. В городе совершалось такое количество имущественных преступлений, что следователи львиную долю своего рабочего времени тратили на составление разнообразных отчетов и – крайне редко – на аресты. Практически никакой следственной работы они не вели. Им было попросту не до того.

– Он только и умеет, что бумажки перекидывать, – сказал Эдгар. – Но Паундзу нет до этого никакого дела. Ему просто нужно было заткнуть дыру в убойном отделе кем-то, кто плясал бы под его дудку. А Бернс как раз из таких. Думаю, он начал прощупывать почву на предмет перехода в убойный сразу же, как только в управлении стало известно о твоём отстранении.

– Да и хрен с ним. Я скоро вернусь, и он снова будет заниматься своими угонщиками.

Эдгар немного помолчал, прежде чем ответить, как будто Босх ляпнул какую-то нелепицу.

– Ты действительно в это веришь, Гарри? Паундз палец о палец не ударит ради того, чтобы ты вернулся. После того-то, что ты сделал. Когда он сказал мне, что я теперь буду работать в паре с Бернсом, я ему говорю: без обид, но я лучше подожду, пока не вернется Гарри Босх. А он мне на это в ответ: эдак ты будешь ждать до пенсии.

– Так и сказал? Опять же, и хрен с ним. У меня осталась еще в управлении пара друзей.

– Ирвинг до сих пор перед тобой в долгу, так ведь?

– Я посмотрю, что можно будет сделать.

Продолжать Босх не стал. Ему хотелось сменить тему. Эдгар был его напарником, но их отношения никогда не были настолько близкими, чтобы доверять друг другу целиком и полностью. В их паре Босх исполнял роль наставника, и Эдгару нередко доводилось прикрывать ему спину. Но то было на улице. В стенах управления дело обстояло совершенно иначе. Босх никогда никому не доверял и никогда ни на кого не рассчитывал. И определенно не собирался начинать это делать сейчас.

– Ну и что за дело тебе поручили? – спросил он, направляя разговор в другое русло.

– А, да, я как раз собирался тебе рассказать. Там странность на странности. Начиная с самого убийства и заканчивая тем, что произошло потом. Вызов поступил из дома на Сьерра-Бонита. Это было около пяти утра. Звонит, значит, один из тамошних жителей и говорит, что слышал какой-то звук вроде оружейного выстрела, только приглушенный. Ну, он взял ружье и пошел на улицу посмотреть, что происходит. А в том районе же в последнее время торчки орудуют, помнишь? Только в одном его квартале за последний месяц было четыре кражи со взломом. Вот у него ружье и стояло наготове. В общем, выходит он из дома и видит, что дверца его машины открыта и оттуда торчат чьи-то ноги. Машина была припаркована перед гаражом.

– И он пристрелил этого красавчика?

– Нет, и вот тут-то как раз и начинаются странности. Подходит он с ружьем к машине и видит, что чувак уже мертв. И из груди у него торчит отвертка.

Босх ничего не понял. Фактов было недостаточно. Но вслух он ничего говорить не стал.

– Гарри, его убило подушкой безопасности.

– В каком смысле – убило подушкой безопасности?

– В таком смысле убило. Чертов торчок пытался выдрать подушку из руля, и эта штука ковина каким-то образом сработала. Она мгновенно надулась, как и полагается, и вогнала отвертку ему прямо в сердце. Никогда в жизни не видел ничего подобного. Видимо, он держал ее острием к себе или, может, пытался торцом рукоятки стучать по рулю. Пока толком не ясно, что там произошло. Мы потолковали с одним человечком из «Крайслера», он говорит, если снять защитную панель, как сделал этот чувак, подушка может сработать даже от искры статического электричества. Чувак был в свитере. Черт его знает, может, и впрямь так оно и было. Бернс говорит, это первая в истории смерть от статического притяжения.

Пока Эдгар потешался над шуткой своего нового напарника, Босх обдумывал эту версию. Ему вспомнился информационный бюллетень, который годом ранее управление выпустило на тему краж подушек безопасности. На черном рынке они пользовались ажиотажным спросом, и за каждую в не слишком щепетильных автосервисах можно было выручить по три сотни долларов. Автосервисы покупали их за триста, а с клиентов за установку драли уже девятьсот. Это позволяло получить вдвое большую прибыль, нежели при условии заказа подушек у производителя.

– Значит, эта смерть проходит как несчастный случай? – спросил Босх.

– Угу, но на этом история не заканчивается. Обе передние дверцы машины были открыты.

– У погибшего был подельник.

– Вот и мы пришли к такому же выводу. И подумали, что если мы найдем этого ублюдка, то сможем предъявить ему обвинение в причинении смерти по неосторожности. Так что мы прошлись по всем внутренним поверхностям лазерным сканером и сняли все отпечатки пальцев, какие было возможно. Потом я поехал к криминалистам и уговорил одного из техников загрузить «пальчики» в компьютер и прогнать через автоматизированную дактилоскопическую идентификационную систему. И вуаля.

– Что, нашелся подельник?

– В точку. Через эту их систему можно получить доступ во многие места, Гарри. В том числе к данным Национального военного идентификационного центра в Сент-Луисе. Там мы пальчики нашего красавчика и нашли. Он служил в армии десять лет назад. Мы установили его личность, потом получили через Управление автомобильным транспортом адрес и сегодня его задержали. Он начал колотиться еще по пути в участок. Теперь ему светит приличный срок.

– Похоже, у вас сегодня был удачный день.

– Но это еще не все. Самое странное я тебе еще не рассказал.

– Ну так расскажи.

– Помнишь, я говорил, что мы просканировали всю машину лазером и сняли все отпечатки?

– Ну да.

– Так вот, там всплыли еще одни «пальчики». Уже из криминальной картотеки. Из Миссисипи. Не день, а просто праздник какой-то.

– Что за «пальчики»? – спросил Босх, которого уже начинало раздражать, что Эдгар выдает информацию в час по чайной ложке.

– Отпечатки совпали с имеющимися в некоей Криминальной идентификационной базе Южных Штатов. Это пять, что ли, штатов, которые по численности населения, вместе взятые,

не дотягивают и до половины численности Лос-Анджелеса. В общем, система обнаружила совпадение с отпечатками, которые были занесены в эту базу семь лет назад. Принадлежали они подозреваемому в совершении двойного убийства в Билокси аж в семьдесят шестом. Тамошние газеты окрестили его Двухсотлетним Мясником, поскольку он убил двух женщин четвертого июля, точно в день двухсотлетней годовщины подписания Декларации независимости.

– Это владелец машины? Который позвонил в полицию?

– Ага. Его отпечатки были на тесаке, который остался торчать у одной из девушек в голове. Вот он удивился, когда мы сегодня днем снова заявили к нему домой. «Эй, мы взяли подельника того малого, который отдал концы в вашей машине. И да, кстати, вы арестованы за двойное убийство». Я думаю, Гарри, он просто выпал в осадок. Жаль, ты при этом не присутствовал.

Эдгар громко расхохотался в трубку, и Босх поймал себя на том, что, хотя его всего неделю как отстранили, уже страшно скучает по работе.

– Он раскололся?

– Нет, и не думал даже. Он явно не дурак, иначе не разгуливал бы на свободе почти двадцать лет после убийства. Срок-то немаленький.

– И то верно. И чем же он занимался все это время?

– Да судя по всему, просто пытался не светиться. Он держит хозяйственный магазинчик в Санта-Монике. Женат, у него есть ребенок и собака. Прямо-таки образцовый гражданин. Но теперь поедет обратно в Билокси. Надеюсь, ему нравится южная кухня, потому что сюда в ближайшее время он явно не вернется.

Эдгар снова расхохотался. Босх ничего не сказал. Рассказ напарника подействовал на него угнетающе, потому что это было напоминание о том, чего его лишили. А еще о задании, которое дала ему Кармен Инохос: сформулировать, в чем заключается его миссия.

– Завтра за ним придет пара тамошних ребят, – продолжал между тем Эдгар. – Я с ними не так давно разговаривал. Они от счастья просто кипятком писали.

Босх так долго молчал, что Эдгар забеспокоился:

– Гарри, ты меня слышишь?

– Да, я просто задумался... В общем, борьба с преступностью идет с ошеломляющим успехом. Как на это отреагировал наш бесстрашный лидер?

– Паундз? Возбуждился, как пубертатный подросток на цыпочку из «Плейбоя». Знаешь, что он делает? Пытается найти способ присвоить заслуги за все три раскрытия. Сделать так, чтобы убийства из Билокси числились за нами.

Босха это не удивило. Среди статистиков и руководителей отделов пытаться всеми правдами и неправдами повысить процент раскрываемости было распространенной практикой. В деле о краже подушки безопасности убийства как такового не было. Это был несчастный случай. Но поскольку смерть наступила в процессе совершения преступления, закон штата Калифорния позволял предъявить соучастнику в преступлении обвинение в убийстве его подельника. Судя по тому, что соучастник был арестован по обвинению в убийстве, Паундз намеревался включить это дело в статистику раскрытых убийств, но при этом отнюдь не планировал учитывать его в числе собственно совершенных убийств, поскольку формально смерть от некстати надувшейся подушки безопасности была несчастным случаем. Эта маленькая статистическая двухходовочка позволяла получить приятное увеличение раскрываемости по Голливудскому участку, которая в последние годы упорно грозила упасть ниже пятидесяти процентов.

Однако, не удовлетворившись скромной прибавкой, которую обеспечивал этот незатейливый мухлеж, Паундз собирался включить в статистику раскрытых дел еще и два билосийских убийства. В конце концов, если уж по большому счету, его убойный отдел действительно их раскрыл. Увеличение числа раскрытых преступлений сразу на три штуки, притом что общее

число совершенных преступлений при этом не увеличивалось, позволяло получить резкий рост раскрываемости, а также повысить акции самого Паундза как начальника управления. Босх подозревал, что лейтенант страшно горд собой и таким результативным днем.

– Он сказал, что это увеличит раскрываемость сразу на шесть процентов, – продолжал Эдгар. – Он был очень рад, Гарри. А мой новый напарник был очень рад, что ему удалось порадовать своего покровителя.

– Я не хочу ничего больше об этом слышать.

– Извини, я не подумал. Так чем ты занимаешь свое свободное время, когда не считаешь машины? Тебе, наверное, страшно скучно.

– Да не то чтобы, – соврал Босх. – На прошлой неделе я закончил ремонтировать террасу. А на этой неделе...

– Говорю тебе, Гарри, ты попусту тратишь свое время и деньги. Рано или поздно инспекторы застукают тебя и вышвырнут прочь. А потом твой дом снесут, а счет за снос тебе же и выкатят. И тогда твоя терраса вместе с домом окажется на свалке.

– Я нанял адвоката.

– И что он сделает?

– Не знаю. Я хочу оспорить статус дома. Он занимается землепользованием. Говорит, что может и выгореть.

– Очень на это надеюсь. И все равно я считаю, что тебе надо снести этот дом к чертовой матери и построить новый.

– Я пока что еще не выиграл в лотерею.

– Есть же льготные кредиты для пострадавших от стихийных бедствий. Можно взять его и...

– Я подал заявку, Джерри, но мне мой дом и так нравится.

– Тебе виднее, Гарри. Надеюсь, твой адвокат найдет способ со всем разобраться. Ладно, давай заканчивать. Бернс хотел пропустить по кружечке в «Шорт стоп». Он меня там ждет.

Когда Босх в последний раз был в «Шорт стоп», крошечной забегаловке для полицейских неподалеку от академии и стадиона «Доджер», на ее стенах все еще пестрели наклейки «Я ЗА ГЕЙТСА»¹. В глазах большинства полицейских Гейтс был закатившейся звездой прошлого, но «Шорт стоп» оставался местом, куда ветераны ходили, чтобы выпить и вспомнить о былых днях управления, которого больше не существовало.

– Давай, Джерри, оттянись как следует.

– Ладно, старик, ты держись там.

Босх прислонился к кухонной тумбе и сделал глоток пива. Он пришел к заключению, что звонок Эдгара был хитро завуалированной попыткой дать Босху понять, что напарник сделал свой выбор и выбор этот оказался не в его пользу. Что ж, для Эдгара на первом месте был он сам и собственное выживание в управлении. Босх не мог его в этом винить.

Он принялся разглядывать свое отражение в стеклянной дверце духовки. Оно было смутным, но он мог различить собственные глаза и линию подбородка. Ему было сорок четыре, но в некоторых отношениях он выглядел старше. Его выющиеся темные волосы по-прежнему были густыми, но и в них, и в усах уже местами пробивалась седина. Черные глаза казались потухшими и усталыми, а кожа была бледной, как у ночного сторожа. Босх всегда был худощавым, но в последнее время одежда висела на нем, как будто ее выдали перед оперативным заданием или как будто он не так давно перенес тяжелую болезнь.

Он оторвался от созерцания своего отражения и достал из холодильника еще одну бутылку пива. Небо за окном было уже ярко расцвечено закатными красками. Скоро должно

¹ Дерил Гейтс – начальник Управления полиции Лос-Анджелеса в период с 1978 по 1992 год. (Здесь и далее примечания переводчика.)

было стемнеть, но шоссе далеко внизу струилось переливчатой рекой огней, ни на миг не прекращавшей свое течение.

Глядя на вечерний поток машин, Босх подумал о том, что все это похоже на муравейник и вереницы ползущих по нему трудолюбивых муравьев. Рано или поздно силы природы вновь неминуемо пробудятся и потряхнут этот холм. И тогда это многополосное шоссе обвалится, дома разрушатся, и муравьям придется опять кропотливо восстанавливать и строить все заново.

Что-то не давало ему покоя, но он сам не мог толком понять, что именно. В мыслях творился полнейший сумбур. Он начинал видеть то, что сказал ему Эдгар о его деле, в контексте разговора с Кармен Инохос. Там была какая-то взаимосвязь, какая-то ниточка, но он никак не мог ее нащупать.

Босх допил пиво и решил, что третья бутылка будет уже лишней. Он подошел к одному из шезлонгов и уселся, задрав ноги на ограждение террасы. Ему очень хотелось покоя. Душевного и физического. Он вскинул глаза и увидел, что заходящее солнце окрасило облака в оранжевый цвет. Они походили на раскаленную лаву, медленно растекающуюся по небу.

Прямо перед тем, как он провалился в полудрему, сквозь эту лаву пробилась одна мысль.

Или все имеют значение, или никто. И тогда, в это последнее мгновение ясности на грани между сном и явью, он понял, что это была за связующая ниточка, которая промелькнула в его мыслях. И осознал, в чем заключается его миссия.

Глава 3

С утра Босх, даже не принимая душ, оделся и немедленно взялся за ремонт, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, не дававших ему покоя со вчерашнего вечера.

Но это оказалось не так-то просто. Натягивая старые, в пятнах лака, джинсы, он мазнул рассеянным взглядом по собственному отражению в растрескавшемся зеркале над бюро и заметил, что футболка на нем надета задом наперед. На груди красовался девиз убойного отдела: «НАШ ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ, КОГДА ВАШ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ».

Девиз должен был находиться на спине. Босх стянул футболку, перевернул ее и снова надел. Теперь его отражение в зеркале выглядело как полагается. Изображение полицейского жетона чуть повыше сердца, а под ним мелкими буквами надпись: «УПЛА. ОРОУ». То есть «отдел по расследованию ограблений и убийств Управления полиции Лос-Анджелеса».

Он сварил в кофейнике кофе, снял с плиты и, захватив по пути кружку, вынес на террасу. Потом притащил туда же ящик с инструментами и купленную в строительном магазине новую дверь, которую планировал повесить в спальне. Когда все наконец было подготовлено к работе, а дымящийся черный кофе залит в кружку, Босх присел на край шезлонга и пристроил перед собой дверное полотно.

Старую дверь с мясом сорвало с петель во время землетрясения. Несколько дней назад он пытался повесить вместо нее другую, но она оказалась великовата и не вставала в проем. Надо было немного обстрогать ее сбоку. Босх взялся за рубанок и принялся энергично водить им по торцу взад-вперед, смахивая в сторону тонюсенькую, как папиросная бумага, стружку. Время от времени он останавливался, чтобы оценить прогресс и провести ладонью по гладкому дереву. Ему нравилось видеть зримый результат того, что он делает. Мало в каких областях его жизни он был настолько наглядным.

И тем не менее сосредоточения хватило ненадолго. В голову начали лезть те же навязчивые мысли, которые не давали ему покоя весь вчерашний вечер. Или все имеет значение, или никто. Так он сказал Инохос. Он сказал, это то, во что он верит. Но верил ли он в эти слова в самом деле? Что они для него значили? Может, это был просто лозунг вроде того, что красовался у него на спине, а вовсе не правило, в соответствии с которым он стремился жить? Все эти вопросы переплетались с отголосками его вчерашнего разговора с Эдгаром. И еще с одной мыслью, которая подспудно жила в нем всегда.

Он убрал рубанок и снова провел ладонью по торцу двери. Решив, что снял уже достаточно, он занес ее обратно в дом и положил на защитную пленку, которой застелил часть комнаты, отведенную под грязные работы, потом принялся шлифовать торец мелкозернистой наждачкой, пока дерево не стало безупречно гладким на ощупь.

Удерживая дверь вертикально на деревянном бруске, он насадил ее на петли и опустил в отверстия металлические штифты, после чего до упора вогнал их молотком. И сами петли, и штифты он заранее смазал, так что дверь открывалась и закрывалась практически бесшумно. Но главное, она точно входила в дверную коробку. Босх еще несколько раз открыл и закрыл ее, любуясь делом своих рук.

Впрочем, удовольствие было недолгим, поскольку, как только работа была закончена, в голову снова полезли непрощенные мысли. Они не давали ему покоя все то время, пока он сметал на террасе стружки в кучку.

Инохос советовала ему постоянно чем-нибудь себя занимать. Теперь он знал, что именно это будет. И тут он осознал, что, какие бы занятия он себе ни изобретал, над ним все равно остается висеть одно незавершенное дело. Он прислонил швабру к стене и пошел в дом переодеваться.

Глава 4

Архивное управление и штаб-квартира авиаотряда УПЛА, известные под названием «Пайпер тек», располагались на Рамирес-стрит в деловой части города, неподалеку от Паркер-центра. Босх, облаченный в костюм с галстуком, подъехал к воротам без малого в одиннадцать. Не выходя из машины, он показал в окошечко служебное удостоверение и получил знак проезжать. Удостоверение было единственным, что у него осталось. Его вместе с золотым жетоном и табельным пистолетом забрали у Босха неделю назад, когда отстранили от работы, но потом вернули обратно, чтобы он мог попасть в офис ОПА, куда должен был ездить на психотерапевтические сессии к Кармен Инохос.

Припарковавшись, он направился к выкрашенному бежевой краской зданию архива, где хранилась вся история городского криминала. В этом строении, занимавшем четверть акра, в конечном счете оказывались все дела, когда-либо проходившие через УПЛА, как раскрытые, так и нераскрытые. Они отправлялись туда, когда ими никто больше уже не интересовался.

За конторкой служащая в гражданской одежде складывала пухлые папки на тележку, чтобы отвезти их обратно в недра хранилища, где им предстояло благополучно кануть в Лету. Судя по выражению ее лица при виде Босха, его коллеги нечасто устаивали архив личным посещением. Все предпочитали звонить или присылать курьеров.

– Если вы за протоколами заседаний городского совета, это корпус А, напротив. Здание с коричневым карнизом.

Босх протянул ей удостоверение:

– Нет, мне нужно поднять одно старое дело.

Женщина подошла к конторке и наклонилась вперед, чтобы сквозь очки взглянуть на его удостоверение. Это была миниатюрная седеющая афроамериканка. Судя по значку с именем на груди блузки, звали ее Женева Боупре.

– Голливуд, – хмыкнула она. – Почему вы просто не попросили его вам выслать? С архивными делами нет никакой спешки.

– Я все равно был в городе, в Паркер-центре... Ну и вообще мне хотелось как можно скорее взглянуть на это дело.

– Номер-то у вас есть?

Босх выудил из кармана пиджака тетрадный листок с нацарапанным на нем номером 61–743. Женщина склонилась, чтобы посмотреть, и тут же с удивлением вскинула на него глаза.

– Тысяча девятьсот шестьдесят первый? Вы хотите запросить дело из... я даже не знаю, где у нас хранятся дела тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

– Здесь. Я уже брал его тут. Тогда, по-моему, тут работал кто-то другой, но дело было здесь.

– Ладно, я посмотрю. Вы будете ждать?

– Да, я подожду.

Вид у женщины стал слегка разочарованный, но Босх улыбнулся ей своей самой дружеской улыбкой. Она взяла листок и исчезла среди полок. Босх несколько минут расхаживал по крохотному помещению, потом вышел на улицу покурить. Он нервничал, хотя почему именно, и сам едва ли мог бы сказать. Закурив, он стал ходить по двору туда-сюда.

– Гарри Босх!

Он обернулся и увидел, что к нему со стороны вертолетного ангара приближается какой-то мужчина. Его лицо было Босху знакомо, но откуда именно, он не помнил. Потом его озаорило: да это же капитан Дэн Вашингтон, бывший начальник патрульной службы Голливудского участка, который теперь командовал авиаотрядом. Они дружески пожали друг другу руки, и Босх очень понадеялся, что Вашингтон не в курсе его отстранения.

– Как дела в Голливуде?

– Да все так же, капитан.

– А знаешь, я скучаю по отделению.

– Было бы по чему скучать. А у тебя как жизнь?

– Да не жалуюсь. Должность неплохая, хотя теперь я скорее управляющий аэропортом, чем полицейский. Для того чтобы отсидеться, место не хуже любого другого.

Босх припомнил, что Вашингтон оказался втянут в политические дразги с верхушкой управления и предпочел перевестись от греха подальше. В департаменте были десятки непыльных должностей вроде тех, которую занимал Вашингтон, где можно было отсидеться, пока ветер не переменится.

– А ты здесь какими судьбами?

Ну вот, началось. Если Вашингтон был в курсе, что Босх временно отстранен от исполнения своих обязанностей, то признать, что он пришел сюда за архивным делом, означало расписаться в том, что он нарушает правила. Впрочем, то обстоятельство, что Вашингтон занимал должность главы авиаотряда, позволяло предположить, что тот вряд ли станет сдавать его, чтобы выслужиться перед руководством. Босх решил рискнуть.

– Да вот заехал за одним старым делом. У меня тут образовалось немного свободного времени, и я решил кое-что проверить.

Вашингтон сощурился, и Босх понял, что тот в курсе.

– Ясно... ладно, старик, мне пора бежать. Давай держись там. Не позволяй этим канцелярским крысам списать тебя со счетов.

Он подмигнул Босху и двинулся дальше.

– Не позволю, капитан. И ты тоже держись.

Босх был практически уверен, что Вашингтон не станет никому говорить об их встрече. Он раздавил каблук окурком и вернулся обратно в архив, мысленно ругая себя за то, что вышел на улицу, где его мог увидеть кто угодно. Пять минут спустя из прохода между стеллажами донесся какой-то скрип, а в следующее мгновение оттуда показалась Женева Боппе, толкая перед собой тележку с объемистой синей папкой на кольцах.

В синих папках хранили материалы дел об убийствах. Эта была по меньшей мере два дюйма в толщину, пыльная и перехваченная широкой резинкой. Резинка прижимала к папке старый зеленый формуляр.

– Вот, нашла.

В голосе женщины отчетливо слышались торжествующие нотки. Судя по всему, для нее это была минута славы.

– Отлично.

Она плюхнула тяжелую папку на конторку.

– Марджори Лоуи. Убийство, тысяча девятьсот шестьдесят первый год. Так, что у нас тут... – Она вытащила из-за резинки формуляр и взглянула на него. – Да, вы брали его последним. Так... это было пять лет тому назад. Вы тогда служили в отделе по расследованию ограблений и убийств.

– Да. А теперь я в Голливудском участке. Мне снова записаться в формуляр?

Она положила перед ним зеленую карточку.

– Да. И номер вашего удостоверения укажите тоже, пожалуйста.

Босх торопливо написал требуемое, чувствуя на себе ее внимательный взгляд.

– Вы левша.

– Угу.

Он протянул ей формуляр:

– Спасибо, Женева.

Он посмотрел на нее, собираясь сказать что-то еще, но потом решил, что лучше не стоит. Она вскинула на него глаза в ответ и улыбнулась так, как бабушка могла бы улыбнуться внуку.

– Я не знаю, что вы затеяли, детектив Босх, но желаю вам удачи. Видимо, это важно, раз вы вернулись к этому делу целых пять лет спустя.

– Больше чем пять, Женева. Намного больше.

Глава 5

Босх разгреб завалы почты и справочников по плотницкому делу, громоздившиеся на обеденном столе, и водрузил на расчищенное место папку с делом и блокнот. Потом подошел к стереосистеме и поставил диск Клиффорда Брауна. Затем, захватив из кухни пепельницу, уселся перед синей папкой и долго-долго на нее смотрел. Когда он в прошлый раз запрашивал дело, у него хватило мужества только бегло пролистать его и вернуть обратно в архив. Тогда он был не готов.

На этот раз ему хотелось быть уверенным в собственной готовности, прежде чем открывать папку, поэтому он долго сидел, разглядывая растрескавшуюся пластиковую обложку, как будто она могла дать ему ответ на вопрос, готов он или нет. Откуда-то из глубин памяти всплыло воспоминание. Одиннадцатилетний мальчик, вцепившийся в стальную лесенку у бортика, захлебывающийся рыданиями; его слез никто не видит, потому что они мешаются с каплями воды, стекающими с мокрых волос. Напуганный. Одинокий. Чувствующий себя в этом бассейне как посреди океана, который он должен переплыть.

Из динамиков лилась негромкая музыка, нежная, словно мазки кисти портретиста. Босх потянул за резинку, которой собственноручно скрепил папку пять лет назад, и она тут же лопнула от его прикосновения. Чуть поколебавшись, он решительно открыл обложку и сдул слой пыли.

Папка содержала материалы дела о случившемся 28 октября 1961 года убийстве Марджори Филлипс Лоуи. Его матери.

От времени страницы дела пожелтели и стали хрупкими. Начав читать, Босх первым делом удивился тому, как мало все изменилось за эти почти тридцать пять лет. Многие бланки были в ходу до сих пор. Протокол осмотра места происшествия и хронологический отчет о проведении расследования были в точности такими же, как и те, что использовались в настоящее время, если не считать изменений в терминах в соответствии с судебной практикой и требованиями политкорректности. В какой-то момент графы с описаниями внешности изменили названия с «НЕГР» на «ЧЕРНОКОЖИЙ», а затем на «АФРОАМЕРИКАНЕЦ». В перечне возможных мотивов в бланке предварительных версий не входили пункты «ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ» и «НЕНАВИСТЬ / ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ». В бланках протокола допроса не было графы, в которую следовало проставить галочку после того, как задержанному были разъяснены его права.

Но, если не считать подобного рода изменений, все бланки были теми же самыми, и Босх пришел к выводу, что в шестидесятые следствие в общем и целом велось примерно так же, как и теперь. Разумеется, за последние тридцать пять лет наука шагнула далеко вперед, но Босх полагал, что некоторые вещи всегда оставались и останутся неизменными. Оперативная работа, искусство задавать вопросы и слушать, внутренняя чуйка. Все это не менялось. Просто не могло.

Дело вели два следователя из ОРОУ Голливудского участка. Клод Эноу и Джейк Маккитрик. Все документы по делу были подшиты в папку в хронологическом порядке. В протоколе осмотра места происшествия было указано имя убитой, из чего можно было сделать вывод, что ее опознали сразу же. В протоколе говорилось, что убитая была обнаружена в переулке, идущем параллельно северной части Голливудского бульвара между Виста-стрит и Гауэр-стрит. Юбка и нижнее белье на ней были разорваны. По предварительной версии она была изнасилована и убита, а тело брошено в открытый мусорный бак на задворках сувенирной лавки под названием «Стартайм». Тело было обнаружено в 7:35 утра пешим патрульным офицером, который обходил свой участок и имел обыкновение перед началом каждого дежурства заглядывать во

все закоулки. Сумочки при убитой не оказалось, но ее сразу же опознали, поскольку патрульный был с ней хорошо знаком. Откуда, стало ясно из дальнейшего описания.

Убитая неоднократно задерживалась ранее (см. дела № 55–002, 55–913 56–III, 59–056, 60–815 и 60–1121). Младшие детективы Гилкрест и Стейноу заявили, что убитая была проституткой, которая периодически работала в окрестностях Голливуда и неоднократно получала предупреждения. Убитая проживала в жилом комплексе «Эль-Рио», расположенном в двух кварталах к северу от места преступления. По имеющимся данным, убитая в последнее время работала проституткой по вызову. Патрульный офицер 1906 опознал убитую, поскольку был лично с ней знаком, так как ранее неоднократно сталкивался с ней на своем участке.

Босх некоторое время смотрел на табельный номер патрульного. Он знал, что номер 1906 принадлежал человеку, который теперь был одним из самых могущественных лиц в управлении. Помощнику начальника управления Ирвину Ирвингу. Когда-то Ирвинг признался Босху, что был знаком с Марджори Лоуи и что это он нашел ее убитой.

Босх закурил и продолжил чтение. Протоколы были заполнены кое-как, для проформы, и пестрели описками. Эноу с Маккитриком явно не слишком-то усердствовали. Погибла проститутка. В ее случае это был профессиональный риск. У них были дела поважнее.

Он заметил в протоколе графу, в которой требовалось указать ближайших родственников. В ней было записано следующее:

Иероним Босх (Гарри), сын, 11 лет, приют Макларена. Уведомлен 28.10 в 15:00. Ребенок изъят из семьи в июле 1960 года. Мать ЛРП на основании ненадлежащего исполнения родительских обязанностей (см. дела № 60–815 и 60–1121). Отец неизвестен. Ребенок находится под опекой государства. Статус: ожидает передачи в приемную семью.

Глядя на эту запись, Босх с легкостью мог расшифровать все эти аббревиатуры и перевести их на человеческий язык. ЛРП означало «лишена родительских прав». Но даже столько лет спустя он не мог не отметить горькой иронии. Мальчика забрали от матери, неспособной обеспечить ребенку нормальную жизнь, и поместили в систему, ровно в такой же степени на это неспособную. Главное, что осталось у него в памяти о приютских временах, – это шум. Постоянный. Как в тюрьме.

Кажется, это Маккитрик тогда приехал сообщить ему о смерти матери. Это было во время занятия плаванием. Вода в крытом бассейне кипела: сотня мальчишек, вопя, барахтались на дорожках. Когда его вытащили из воды, Гарри завернулся в белое полотенце, которое столько раз стирали и отбеливали, что на ощупь оно казалось картонным. Маккитрик сообщил ему новость, после чего он вернулся обратно в бассейн. Волны заглушили его рыдания.

Бегло проглядев сведения о предыдущих задержаниях убитой, Босх перешел к протоколу вскрытия. Большую его часть он пропустил, не желая вдаваться в подробности, и сразу углубился в чтение итогового заключения, где обнаружилась пара неожиданностей. Смерть, по данным экспертизы, наступила за семь-девять часов до того, как было обнаружено тело. Примерно около полуночи. Неожиданностью стала официальная причина смерти. В качестве нее была указана тупая травма головы. В заключении фигурировал глубокий ушиб мягких тканей головы над правым ухом без повреждения кожного покрова, но с гематомой, которая вызвала смертельное кровоизлияние в мозг. В заключении говорилось, что убийца, возможно, полагал, что задушил жертву после того, как его удар привел ее в бессознательное состояние, но, согласно заключению медэксперта, к тому моменту, когда он обвил шею Марджори Лоуи ее же собственным ремнем и затянул его, она уже была мертва. Также в заключении говорилось,

что, хотя во влагище убитой была обнаружена сперма, никаких повреждений, обыкновенно сопутствующих изнасилованию, на ее теле не оказалось.

Перечитывая заключение глазами следователя, Босх пришел к выводу, что данные вскрытия только спутали первым двум детективам все карты. Первоначальная версия, основанная на внешнем осмотре тела, заключалась в том, что Марджори Лоуи стала жертвой преступления на сексуальной почве. Это наводило на мысль о случайном контакте – настолько случайном, насколько это предполагала ее профессия, – который привел ее к гибели. Но то обстоятельство, что удушение произошло после смерти, а также отсутствие убедительных физических признаков изнасилования говорило о возможности и другой версии. Были факторы, на основании которых можно было предположить, что жертву убил кто-то, кто затем попытался скрыть свою причастность и мотив, представив дело как случайное преступление на сексуальной почве. Босху приходила в голову всего одна причина, по которой этот кто-то стал бы прикладывать усилия ради того, чтобы пустить следствие по ложному следу – если, разумеется, это было так. Убийца знал жертву. Интересно, Маккитрик с Эноу тоже пришли к таким же выводам?

Следующим в папке оказался большой конверт, в котором, судя по надписи на нем, находились фотографии с места преступления и со вскрытия. Босх долго думал, потом все же отложил конверт в сторону. Он просто не мог заставить себя взглянуть на них, как это было в прошлый раз, когда он брал дело из архива.

Далее следовал конверт с описью вещественных доказательств, приколотой к нему скрепкой. Перечень оказался не слишком длинным.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ДЕЛО 61–743

Отпечатки пальцев, обнаруженные на кожаном ремне с серебристыми ракушками.

Заключение криминалогической экспертизы № 1114 06/11/61.

Изъятые с места преступления орудия убийства – черный кожаный ремень, украшенный ракушками. Собственность убитой.

Одежда убитой, собственность. Передана в камеру хранения вещественных доказательств. Шкафчик 73В, штаб-квартира УПЛА.

Блузка белая, 1 штука, с пятном крови.

Юбка черная, 1 штука. Порвана по шву.

Туфли черные, на высоком каблуке, 1 пара.

Колготки черные, 1 пара. Разорваны.

Серьги золотистого цвета, 1 пара.

Браслет литой золотистого цвета, 1 штука.

Цепочка золотая, с крестом, 1 штука.

Больше в описи ничего не было. Босх долго изучал список, прежде чем записать подробности к себе в блокнот. Что-то в этом перечне не давало ему покоя, но он не мог понять, что именно. Ладно, потом. Информации и так было слишком много, так что следовало немного ее переварить, прежде чем искать нестыковки.

Он усилием воли отвлекся от мыслей об описи и распечатал конверт с вещдоками, оторвав растрескавшуюся от времени красную клейкую ленту. Внутри лежала пожелтевшая дактилоскопическая карта с двумя полноценными отпечатками большого и указательного пальца и еще несколькими частичными, которые были сняты после того, как ремень обработали

дактилоскопическим порошком. Также в конверте обнаружился розовый формуляр с описью одежды убитой, которую поместили в камеру хранения. Оттуда ее так никто и не изъял, поскольку дело осталось нераскрытым. Босх отложил обе карты в сторону, гадая, какая судьба постигла одежду. После того как в середине шестидесятых было построено здание Паркер-центра, штаб-квартира полиции переехала туда, а старое здание давным-давно снесли. Интересно, что случилось с вещдоками по нераскрытым делам?

Следующим номером шла пачка протоколов допросов, проведенных по горячим следам в первые дни расследования. В основном это были люди, шапочно знакомые с убитой, например другие жильцы комплекса «Эль-Рио» или женщины, промышлявшие тем же ремеслом, что и она сама. Один из протоколов привлек внимание Босха. Некая Мередит Роман была допрошена три дня спустя после убийства. В протоколе было написано, что она была приятельницей убитой, с которой они когда-то в прошлом на двоих снимали квартиру. На момент допроса она также проживала в «Эль-Рио» – этажом выше убитой. Протокол был составлен Энну – безоговорочным чемпионом по количеству орфографических ошибок из двух детективов, которым было поручено вести это дело.

Мередит Роман (09/10/1930 г. р.) была допрошена в ее квартире в жилом комплексе «Эль-Рио», где она проживает на этаж выше квартиры убитой. Мисс Роман смогла предоставить следствию крайне мало полезной информации относительно деятельности Марджори Лоуи на протяжении последней недели ее жизни.

Мисс Роман призналась, что за последние восемь лет неоднократно занималась проституцией в компании убитой, но на данный момент ни разу не привлекалась к ответственности (впоследствии подтверждено). Она показала, что организатором данной деятельности выступал некий Джонни Фокс (02/02/1933 г. р.), проживающий по адресу: Ивар-авеню, 1110, в Голливуде. Фокс (28 лет) к ответственности ранее не привлекался, но, по данным полиции, ранее проходил подозреваемым по нескольким делам о сводничестве, умышленном нападении и торговле героином.

Мисс Роман утверждает, что в последний раз видела убитую на вечеринке на третьем этаже отеля «Рузвельт» 21/10. Мисс Роман не присутствовала на вечеринке вместе с убитой, но заглянула ненадолго, чтобы поговорить.

Мисс Роман утверждает, что в данный момент планирует покончить с проституцией и уехать из Лос-Анджелеса. Она дала обещание оставить свой новый адрес и телефон, чтобы с ней в случае необходимости можно было связаться. Она продемонстрировала полную готовность сотрудничать со следствием.

Босх немедленно просмотрел материалы дела в поисках протокола допроса Джонни Фокса, но его там не оказалось. Тогда он вернулся в самое начало папки, к хронологическому отчету, и стал искать в нем хоть что-то, что указывало бы на то, что они вообще говорили с Фоксом. Хронологический отчет представлял собой перечень однострочных ссылок на другие отчеты. Единственное упоминание нашлось на второй странице.

03/11 8:00–20:00. Наблюдение за квартирой Фокса. Не появился.

Больше Фокс нигде в записях не фигурировал. Однако, пробежав отчет глазами до конца, Босх зацепился взглядом за другую запись:

05/11 9:40. Позвонил А. Конклин, чтобы организовать встречу.

Эта фамилия была Босху знакома. В 1960-х Арно Конклин был окружным прокурором Лос-Анджелеса. Насколько Босх помнил, в 1961 году он еще не мог им стать, но наверняка уже был в прокуратуре сотрудником далеко не рядовым. Его интерес к убийству проститутки показался Босху любопытным. Однако в деле не было ничего такого, что могло бы дать ему ответ на этот вопрос: ни отчета о разговоре с Конклином, ни чего-то еще.

Он обратил внимание, что уже встречал ранее неправильное написание слова «организовать» в протоколе допроса Мередит Роман, составленном Эноу. Из этого Босх сделал вывод, что Конклин позвонил Эноу, чтобы назначить встречу. Однако какое это имеет значение, если вообще имеет, он не знал. Он записал фамилию Конклина в своем блокноте наверху страницы.

Вернувшись мыслями к Фоксу, Босх задался вопросом, почему Эноу с Маккитриком не нашли и не допросили его. Как сутенер убитой, он был естественным кандидатом на роль подозреваемого. А если Фокса все-таки допросили, тогда непонятно, почему в деле не было ни слова о столь важной части расследования.

Босх откинулся на спинку стула и закурил. Чутье подсказывало ему, что в этом деле что-то не так. Внутри начало вскипать возмущение. Чем дальше он читал, тем больше приходил к выводу, что расследование с самого начала велось кое-как.

Он снова склонился над столом и, не вынимая изо рта сигареты, продолжил изучать материалы дела. Новые и новые бессодержательные протоколы и отчеты. Это была туфта. Любой мало-мальски толковый коп способен был накопать таких десятки, если бы ему понадобилось создать видимость тщательного расследования и добавить делу объема. Судя по всему, Маккитрик с Эноу преуспели в этом искусстве ничуть не хуже других. Впрочем, любой мало-мальски толковый коп способен был и определить, где туфта, а где нет. И в этом деле была именно она. Босх почувствовал, как под ложечкой у него засосало сильнее.

В конце концов он дошел до первого промежуточного отчета. Он был датирован неделей спустя после убийства и написан Маккитриком.

Убийство Марджори Филипс Лоуи в настоящий момент остается нераскрытым. Подозреваемых нет.

Следствием на настоящий момент установлено, что убитая занималась проституцией в Голливуде и могла стать жертвой одного из клиентов, который совершил убийство.

Первоначальный подозреваемый Джон Фокс отрицал свою причастность к преступлению, и в настоящее время подозрения с него сняты по результатам дактилоскопической экспертизы. Кроме того, он имеет алиби, подтвержденное несколькими свидетелями.

В настоящее время круг подозреваемых не установлен. Джон Фокс утверждает, что в пятницу, накануне убийства, приблизительно в 21:00, Лоуи вышла из своей квартиры в жилом комплексе «Эль-Рио» и направилась в неустановленное место с целью занятия проституцией. Фокс утверждает, что с клиентом убитая договаривалась о встрече самостоятельно и его в подробности не посвящала. По словам Фокса, подобная практика не была для убитой чем-то необычным.

Нижнее белье убитой было обнаружено рядом с телом в разорванном состоянии. Отмечается, однако, что пара чулок, также принадлежавших убитой, не имеет никаких повреждений, на основании чего был сделан вывод, что она, вероятно, сняла их добровольно.

Следствие пришло к заключению, что убитая погибла насильственной смертью после того, как добровольно прибыла в неустановленное место и, вероятно, частично разделась. Затем тело было перемещено в мусорный бак в переулке между Виста и Гауэр-стрит, где было обнаружено на следующее утро.

Свидетельница Мерedit Роман была допрошена повторно с целью уточнения предыдущих показаний. Роман сообщила следствию, что, насколько ей известно, вечером накануне того, как тело убитой было обнаружено, она присутствовала на вечеринке в Хэнкок-Парке. Ни точного адреса, ни названия вечеринки она назвать не смогла. Мисс Роман показала, что планировала быть на вечеринке вместе с убитой, но накануне вечером была избита Джоном Фоксом в ходе ссоры из-за денег. Она не смогла присутствовать на вечеринке, поскольку сочла, что синяк на лице делает ее внешность непрезентабельной. (В последующем телефонном разговоре Фокс охотно подтвердил, что ударил мисс Роман. Никаких обвинений в его адрес Роман не выдвигала.)

Следствие зашло в тупик, поскольку никаких дальнейших версий у него не имеется. В настоящее время следствие сотрудничает с отделом нравов с целью получения сведений о схожих преступлениях и/или возможных подозреваемых.

Босх перечитал текст еще раз, пытаясь понять, что стояло за ним в реальности. Единственный вывод, который можно было сделать с уверенностью, заключался в том, что Эноу с Маккитриком, по всей видимости, все-таки допросили Джонни Фокса, даже если протокола его допроса в деле и не было. И подозрения с него были сняты. В таком случае напрашивался вопрос: почему они не оформили протокол? Или же он был оформлен, но впоследствии изъят из дела? Тогда кто изъясил его и зачем?

Кроме того, Босху не давало покоя то обстоятельство, что имя Арно Конклина не фигурировало больше нигде, кроме хронологического отчета. Возможно, из дела исчез не только протокол допроса Фокса.

Босх поднялся и, подойдя к тумбе у двери, где хранил свой портфель, вытащил записную книжку. Телефона полицейского архива у него не было, поэтому он позвонил в центральную справочную, и его переключили. На десятом гудке ему ответил женский голос.

– Э-э-э... миссис Бопре? Женева?

– Да?

– Алло, это Гарри Босх. Я заезжал к вам сегодня утром за делом.

– Да, из Голливудского участка. Старое дело.

– Угу. Послушайте, у вас там формуляр под рукой?

– Повисите на линии. Я его уже убрала.

Некоторое время спустя в трубке вновь послышался ее голос:

– Да, он у меня.

– Можете мне сказать, кто еще брал это дело?

– А зачем это вам?

– Там отсутствует часть материалов, миссис Бопре. Я хотел бы знать, кто мог их забрать.

– Ну, последним его брали вы. Я же вам уже это говори...

– Да, я помню. Лет пять тому назад. А до или после меня его больше никто не брал? Я не обратил внимания, когда сегодня подписывал формуляр.

– Ладно, повисите еще немного, я посмотрю. – В трубке воцарилась тишина, но на этот раз Женева вернулась очень быстро. – Так, вот что я тут вижу. Судя по записям в формуляре, единственный раз дело запрашивали в семьдесят втором году. Прямо скажем, давненько.

– И кто его тогда брал?

– Почерк ужасно неразборчивый. Я не могу... кажется, Джек... э-э-э... Джек Маккиллик.

– Джейк Маккитрик.

– Возможно.

Босх не знал, что и думать. Маккитрик брал дело последним, но это было более чем десять лет спустя после убийства. Что это означало? Босх был в замешательстве. Он не мог

сказать, чего ожидал, но точно надеялся найти нечто большее, нежели имя, неразборчиво нацарапанное в формуляре больше двадцати лет назад.

– Ладно, миссис Бопре, спасибо вам большое.

– Если вы обнаружили пропажу страниц, мне придется доложить об этом мистеру Агилару.

– Не думаю, что это необходимо. Возможно, я ошибаюсь и из дела ничего не пропало. Ну, то есть как оттуда могло что-то пропасть, если после того, как я в последний раз его брал, им никто не интересовался?

Босх еще раз поблагодарил Женеву и повесил трубку, надеясь, что его попытка пошутить убедит ее не предпринимать никаких действий. Он в задумчивости открыл холодильник и заглянул внутрь, потом снова закрыл его и вернулся за стол.

Последним документом в деле был отчет по результатам проверки дела, датированный 3 ноября 1962 года. Существующий в убийном отделе порядок требовал, чтобы все нераскрытые дела через год были подняты и пересмотрены новой бригадой детективов, чтобы свежим взглядом проверить их на предмет того, что первая бригада могла пропустить. Однако на практике это делалось для галочки. Детективы не горели желанием выискивать ошибки своих коллег. К тому же у них были и свои собственные дела, которые нужно было раскрывать. Получив на проверку всяк, как именовались подобные дела, они, как правило, проглядывали материалы, звонили паре-тройке свидетелей и с чистой совестью отправляли дело в архив.

В данном случае отчет о проверке, составленный новыми детективами, некими Робертсом и Джорданом, содержал в точности те же выводы, к которым пришли в свое время Эноу с Маккитриком. Итогом двух страниц, включавших перечисление всех тех улик и основных выжимок из протоколов допроса, что и отчеты изначальных следователей, стало заключение, что у следствия нет никаких рабочих версий и перспективы «успешного раскрытия» у дела нулевые. Вот тебе и проверка.

Босх закрыл папку. После того как Робертс с Джорданом составили отчет, дело было отправлено в архив как всяк. Там оно и пылилось до тех пор, пока, судя по формуляру, Маккитрик неизвестно зачем не забрал его в 1972 году. Босх записал фамилию Маккитрика под фамилией Конклина у себя в блокноте. Потом занес туда же фамилии остальных, с которыми, по его мнению, полезно было бы поговорить. Если, конечно, они еще живы и их можно отыскать.

Босх снова склонился над столом, обнаружив, что музыка прекратила играть, а он этого даже не заметил. Он взглянул на часы: было два тридцать. До вечера еще далеко, а чем себя занять, он не знал.

Он отправился в спальню и достал с полки в стенном шкафу коробку из-под обуви. Там у него было что-то вроде личного архива: письма, открытки и фотографии, которые ему по какой-то причине когда-то захотелось сохранить начиная еще со времен его службы во Вьетнаме. Он редко туда заглядывал, но мог по памяти перечислить все содержимое коробки. Как и причины, по которым каждый из этих предметов там оказался.

На самом верху стопки лежало последнее пополнение. Открытка из Венеции. От Сильвии. Репродукция картины, которую та увидела во Дворце дождей, «Блаженных и проклятых» Иеронима Босха. На ней был изображен ангел, ведущий одного из блаженных через туннель навстречу райскому свету. Оба парили в воздухе, возносясь ввысь. После этой открытки ни одной весточки он от нее больше не получал. Босх перечел строчки на обороте:

Гарри, я подумала, что тебе может быть любопытно взглянуть на произведение твоего тезки. Я увидела его во Дворце. Очень красиво. Кстати, мне очень нравится Венеция! Думаю, я могла бы остаться тут навсегда. С.

«А со мной ты остаться не захотела», – подумал Босх, откладывая открытку в сторону, и принялся рыться в коробке. Больше он не позволял себе отвлекаться и, перебрав примерно половину коробки, нашел то, что искал.

Глава 6

Поездка до Санта-Моники была долгой. Босху пришлось ехать длинной дорогой, сначала со 101-го шоссе на 405-е, потом дальше на юг, потому что до открытия «десятки» после ремонта была еще целая неделя. До Сансет-парка он добрался только к началу четвертого. Дом, который он искал, находился на Пир-стрит. Это был приземистый деревянный домик на вершине холма. Крытую террасу увивали заросли красной бугенвиллеи. Босх сверил адрес, выведенный краской на почтовом ящике у дороги, с тем, что значился на конверте со старой рождественской открыткой, который лежал на пассажирском сиденье рядом с ним, потом припарковался у обочины и снова взглянул на открытку. Стараниями УПЛА ее переслали ему пять лет назад. Он тогда так на нее и не ответил. И вот теперь она пригодилась.

Едва он вышел из машины, как на него пахнуло морем, и он подумал, что, пожалуй, из западных окон дома можно хотя бы краешком увидеть океан. Тут было заметно прохладнее, чем дома, так что Босх взял из машины куртку и, на ходу натягивая ее, двинулся ко входу в дом.

Женщине, которая открыла белую входную дверь практически сразу же, как будто ждала его, было хорошо за шестьдесят, и выглядела она на свой возраст. Одета в белую шелковую блузку навывпуск, украшенную принтом с голубыми морскими коньками, и в темно-синие слаксы. Худощавая, с темными волосами, хотя седые корни уже бросались в глаза, так что, по всей видимости, ей пора было их подкрашивать. Губы жирно намазаны красной помадой. Она приветливо улыбнулась ему, и Босх немедленно ее узнал, хотя видел, что его лицо не вызвало у нее самой никакого отклика. В последний раз она видела его тридцать пять лет назад. И тем не менее он все равно улыбнулся ей в ответ:

– Мередит Роман?

Улыбка сползла с лица женщины так же быстро, как и появилась.

– Это не мое имя, – отрывистым тоном произнесла она. – Вы ошиблись адресом.

Она потянулась к дверной ручке, чтобы закрыть дверь, но Босх придержал створку. Он очень старался, чтобы этот жест выглядел как можно менее угрожающим, но в ее взгляде все равно забрезжила паника.

– Это Гарри Босх, – произнес он торопливо.

Она замерла и заглянула Босху в глаза. Паника улеглась, уступая место узнаванию и воспоминаниям, которые затуманили ее взгляд, точно слезы. Ее улыбка вернулась.

– Гарри? Малыш Гарри?

Он кивнул.

– Ох, милый, иди сюда. – Она притянула его к себе и крепко обняла. – Ох, до чего ж я рада тебя видеть столько лет спустя... Ну-ка дай я на тебя погляжу.

Она отстранила его и развела руки в стороны, словно любясь целым залом картин разом. В ее взгляде читалась искренняя радость. Босх ощутил прилив теплых чувств и грусти одновременно. Зря он так долго тянул. Давным-давно надо было навестить ее – просто так, без той причины, которая привела его сюда сегодня.

– Ну проходи же, Гарри. Проходи.

Босх вошел в гостиную, обставленную просто, но мило. На полу был уложен дубовый паркет, оштукатуренные, без единого пятнышка стены выкрашены белой краской. Большая часть мебели – плетеная, из белого же ротанга. Все тут было светлое и радостное, но Босх знал, что принес с собой печаль и мрак.

– Вы больше не Мередит?

– Нет, Гарри, уже давно.

– Как мне тогда вас называть?

– Меня зовут Кэтрин. Кэтрин Регистер. Как «регистр», только с двумя «е», а не с одной. Так мой муж любил говорить. Очень надежный человек был. Самая большая авантюра в его жизни – это я.

– «Был»?

– Да садись же ты, Гарри, бога ради. Да. Был. Скончался пять лет тому назад в канун Дня благодарения.

Босх опустился на диван, а она устроилась в кресле напротив за стеклянным кофейным столиком.

– Простите.

– Ничего страшного, ты же не знал. Ты даже знаком с ним не был, а я уже давным-давно не та, что была раньше. Выпьешь чего-нибудь? Кофе или, может, чего-нибудь покрепче?

Босх подумалось, что она послала ему ту рождественскую открытку всего через несколько недель после смерти мужа, и он ощутил очередной укол вины за то, что не ответил тогда.

– Гарри?

– Э-э-э... Нет, спасибо, ничего не нужно. Я... Вы хотите, чтобы я называл вас новым именем?

Она рассмеялась от нелепости всей ситуации, и он засмеялся тоже.

– Да зови ты меня как хочешь. – Она снова засмеялась звонким девичьим смехом, точно так же как смеялась много лет назад. – До чего же я рада тебя видеть! Видеть, как ты... каким ты... мм...

– Каким я стал?

– Наверное. – Она снова засмеялась. – Знаешь, я ведь была в курсе, что ты служишь в полиции. Видела твоё имя в газетных новостях.

– Я знаю, что вы были в курсе. Мне передали открытку, которую вы отправили на адрес участка. Это, видимо, было почти сразу же после того, как умер ваш муж. Я... Простите, что я тогда вам не написал и не приехал. Я был не прав.

– Ничего страшного, Гарри. Я понимаю, что у тебя много дел по работе и вообще... Рада, что моя открытка до тебя дошла. У тебя есть семья?

– Э-э-э... нет. А у вас? Дети?

– Нет, детей у меня нет. Но ты-то хотя бы женат, да? Не может быть, чтобы такой красавчик и не был женат.

– Нет, у меня сейчас никого нет.

Она кивнула, похоже почувствовав, что он здесь не ради того, чтобы рассказывать о своей личной жизни. Долгое время они просто сидели и молча смотрели друг на друга. Интересно, что она на самом деле думала о его выборе профессии? Первая радость от встречи начала угасать, уступая место тревоге, поднявшей голову при мыслях о тайнах прошлого, готовых выйти наружу.

– Пожалуй...

Он не закончил предложение. У него не получалось нащупать способ начать разговор. И куда только подевались все его полицейские навыки разговаривать с людьми?

– А знаете, если это вас не слишком затруднит, я выпил бы воды.

Ничего лучшего ему придумать не удалось.

– Сейчас вернусь.

Она торопливо поднялась и вышла в кухню. До него донесся шорох кубиков льда, извлекаемых из формы. Это давало ему время подумать. На дорогу сюда у него ушел час, но ему даже в голову не пришло прикинуть, как это все будет выглядеть и как подступиться к тому, что он хочет ей сказать и о чем попросить. Вскоре она вернулась со стаканом воды со льдом. Протянув ему стакан, она положила на стеклянный столик перед ним пробковую подставку.

– Если хочешь чего-нибудь съесть, я могу принести крекеры с сыром. Я просто не знала, сколько у тебя вре...

– Спасибо, ничего не надо. Все отлично, спасибо большое.

Он вскинул стакан в благодарственном жесте и залпом выпил половину, после чего поставил обратно на стол.

– Гарри, поставь стакан на подставку. Я потом замучаюсь стирать следы со столешницы.

– Ох, простите, пожалуйста. – Босх посмотрел на то, что только что натворил, и переставил стакан на подставку.

– Так, значит, ты теперь детектив.

– Да. Я работаю в Голливуде... Мм... Хотя сейчас на самом деле не совсем работаю. У меня что-то вроде отпуска.

– О, так это же прекрасно.

Она, похоже, немного повеселела, как будто подумала, что его визит, возможно, и не связан с работой. Босх понял, что пора переходить к делу.

– Э-э-э... Мер... то есть Кэтрин, мне нужно задать вам один вопрос.

– Что это за вопрос, Гарри?

– Я вижу, у вас чудесный дом, другое имя, другая жизнь. Вы больше не Мередит Роман, и я понимаю, что вы не горите желанием, чтобы вам напоминали о прошлом. Вы... В общем, я пытаюсь сказать, что говорить о прошлом бывает сложно. Во всяком случае, для меня это так. И поверьте, я ни в коем случае не хочу сделать вам больно.

– Ты приехал поговорить о матери.

Он кивнул и устремил взгляд на стакан на пробковой подставке.

– Мы с твоей матерью были лучшими подругами. Иногда я думаю, что растила тебя практически наравне с ней. До тех пор, пока тебя не забрали у нее. У нас.

Он вскинул глаза на Кэтрин. Ее взгляд был обращен куда-то внутрь себя, как будто она погрузилась в давнишние воспоминания.

– Кажется, не проходит и дня, чтобы я о ней не вспомнила. Мы были совсем девочками, молоденькими свистушками. Нам и в голову никогда не приходило, что кто-то из нас может пострадать. – Она резко поднялась. – Идем со мной, Гарри. Я хочу кое-что тебе показать.

Он двинулся следом за ней по ковровой дорожке коридора в спальню. Обстановка ее состояла из кровати с балдахином, застланной нежно-голубым покрывалом, дубового комода и таких же прикроватных тумбочек, на которых стояло несколько фотографий в резных рамках. На большинстве из них была запечатлена Кэтрин и какой-то мужчина на вид много ее старше. Наверное, муж. Она указала на одну, стоящую чуть поодаль справа. Снимок был старый, выцветший. На нем были две молодые женщины и маленький мальчик лет трех-четырех.

– Она всегда у меня тут стояла, Гарри. Даже когда мой муж был жив. Он знал о моем прошлом. Я ему рассказала. Его это не волновало. Мы прожили вместе двадцать три прекрасных года. Прошлое – это то, что ты позволяешь ему с собой сделать. Оно может испортить жизнь тебе или кому-то другому, а может сделать тебя сильным. Я стала сильной, Гарри. А теперь скажи мне, зачем ты ко мне приехал.

Босх протянул руку и взял с комода фотографию.

– Я хочу... – Он вскинул на нее глаза. – Я собираюсь выяснить, кто ее убил.

На мгновение на ее лице застыло непроницаемое выражение, потом она молча забрала у него фотографию и вернула на комод. А потом вдруг снова крепко обняла его, положив голову ему на грудь. Он видел их общее отражение в зеркале над комодом. Когда она отстранилась и взглянула на него, он увидел, что щеки у нее мокрые от слез, а нижняя губа слегка дрожит.

– Пойдем сядем, – сказала она, вытаскивая из коробки на комод два бумажных носовых платка.

Он отвел ее обратно в гостиную и усадил в кресло.

– Принести вам воды?

– Спасибо, не нужно. Я сейчас успокоюсь. Прости.

Она принялась утирать глаза. Босх опустил на диван.

– Мы любили говорить, что мы с ней две мушкетерши, одна за двух и две за одну. Это было глупо, но мы были такие молоденькие и так дружили.

– Я собираюсь провести расследование заново с самого начала. Я взял дело из архива. Оно...

Кэтрин пренебрежительно фыркнула и покачала головой:

– Никакого расследования не было. Так, видимость одна.

– У меня тоже возникло такое впечатление, но я не понимаю почему.

– Послушай, Гарри, ты же знаешь, кем была твоя мать. – Он кивнул, и она продолжила: – Она была ночной бабочкой. Мы обе с ней были. Такой милый эвфемизм. И полицейским было наплевать, что одна из нас лишилась жизни. Они просто состряпали отписку. Я знаю, что ты теперь тоже полицейский, но тогда все это было именно так. Им просто-напросто было на нее наплевать.

– Я понимаю. Сейчас, пожалуй, в этом плане тоже не сильно что-то изменилось, поверите вы в это или нет. Но тут, судя по всему, кроется нечто большее.

– Гарри, я не знаю, нужно тебе знать о матери или нет.

– Прошлое сделало сильным и меня тоже. – Он в упор посмотрел на нее. – Я справлюсь.

– Не сомневаюсь, что сделало. Я помню то заведение, куда тебя упустили. Макэвой, или как там оно называлось...

– Приют Макларена.

– Точно, Макларена. Мрачное место. Когда твоя мать ездила туда тебя проведать, она потом каждый раз садилась и рыдала до потери пульса.

– Кэтрин, не уходите от темы. Что я должен о ней знать?

Она кивнула, но некоторое время колебалась, прежде чем продолжить.

– Мардж знала кое-каких полицейских. Ты меня понимаешь?

Он кивнул.

– Мы обе знали. Так это было устроено. С волками жить – по-волчьи выть, так мы об этом говорили. И когда случается подобная ситуация, копам выгоднее просто замести все под коврик. Не будить лихо, пока оно тихо, как говорится. Если хочешь, можешь придумать другой штамп. Они просто не хотели создавать никому проблем.

– Вы хотите сказать, что, по вашему мнению, ее убил полицейский?

– Нет, я ничего такого сказать не хочу. Гарри, я понятия не имею, кто это сделал. Прости. Я хочу сказать, что, по моему мнению, те два детектива, которым было поручено это дело, понимали, куда может привести расследование. А они не хотели, чтобы оно туда привело, потому что понимали, что для них хорошо, а что плохо. Они же были не дураки, а она, как я уже говорила, ночная бабочка. Им было на нее наплевать. И всем остальным тоже. Ну убили и убили.

Босх обвел комнату взглядом, не очень понимая, какой вопрос задать дальше.

– Вы знаете имена тех полицейских, с которыми она была знакома?

– Это было очень давно.

– Вы тоже с некоторыми из них были знакомы, да?

– Да. У меня не было другого выбора. Так это было устроено. Ты пользовалась своими контактами, чтобы не угодить за решетку. Продавались и покупались все. По крайней мере, тогда. Оплаты хотели кто чем. Кто деньгами, кто другими вещами.

– В деле было сказано, что вы никогда не привлекались к ответственности.

– Да, мне везло. Меня несколько раз забирали, но так ни разу и не упекли. Я звонила кому надо, и меня всегда отпускали. Мне удавалось отмазываться, потому что я знала многих полицейских, милый. Понимаешь?

– Да, понимаю.

Она произнесла это, не отводя глаз. Даже спустя столько лет добропорядочной жизни она не утратила гордости шлюхи и способна была говорить о самых низменных моментах своей жизни, не морщась и даже глазом не моргнув. Причина крылась в том, что она оставила этот этап позади, и в этом было достоинство. Достаточно, чтобы его хватило ей до конца жизни.

– Гарри, ты не возражаешь, если я закурю?

– Нет, если и мне тоже можно.

Они вытащили сигареты, и Босх, поднявшись, дал ей прикурить.

– Пепельница на столике сбоку. Постарайся не ронять пепел на ковер, ладно?

Она указала на маленькую стеклянную пепельницу на приставном столике с другой стороны дивана. Босх взял ее и, держа в одной руке, а сигарету в другой, заговорил, разглядывая доньшко:

– Эти полицейские, которых вы знали и которых, возможно, знала она, – вы не помните их фамилии?

– Я же говорю, это было очень давно. И я сомневаюсь, чтобы они имели какое-то отношение к этому. К тому, что случилось с твоей матерью.

– Ирвин Ирвинг. Это имя вам, случайно, не знакомо?

Она немного поколебалась, очевидно припоминая:

– Я его знала. И она, думаю, тоже. Он патрулировал Бульвар. Едва ли она могла его не знать... Впрочем, не уверена. Я могу и ошибаться.

Босх кивнул:

– Это он тогда ее нашел.

Она дернула плечом, словно желая сказать: и что это доказывает?

– Ну кто-то же должен был рано или поздно ее найти. Ее же там просто бросили.

– А ту парочку из отдела нравов? Гилкрита и Стейноу?

Она замялась, прежде чем ответить.

– Да, знала... Они были скверные люди.

– А моя мать тоже их знала? В том же смысле, в каком и вы?

Она кивнула.

– Вы говорите, они были скверные люди. В каком смысле?

– Они просто... Им просто было на нас наплевать. Если им было что-то от нас нужно, хоть какая-то информация, которую мы могли случайно узнать от клиента, хоть что-то более... личное, они просто приходили и брали это. И обращались с нами как с грязью. Я их ненавидела.

– Они...

– Но могли ли они убить? Тогда, да и сейчас тоже я считаю, что нет. Гарри, они были не убийцы. Они были копы. Да, продажные, но тогда, кажется, все такими были. Тогда не было такого, как сейчас, когда открываешь газету и читаешь, что какого-то копа судят за убийство, избиение или за что-нибудь еще. Тогда... прости.

– Все нормально. Больше никто не вспоминается?

– Нет.

– Никакие имена?

– Я давным-давно выбросила все это из головы.

– Ясно.

Босха очень тянуло вытащить блокнот, но он не хотел, чтобы их разговор выглядел как допрос. Он попытался вспомнить еще что-нибудь из материалов дела, о чем он мог бы ее спросить.

– А про Джонни Фокса вы можете что-то сказать?

– Да, я сказала о нем тем детективам. Они прямо стойку сделали, но это ничем так и не закончилось. Его не арестовали.

– Я думаю, все-таки арестовали, но потом выпустили. Отпечатки его пальцев не совпали с отпечатками пальцев убийцы.

Она вскинула брови:

– Гм, это что-то новенькое. Мне ни про какие отпечатки пальцев не говорили.

– Во время вашего второго допроса – его проводил Маккитрик, помните его?

– Если честно, не очень. Я просто помню, что приходили полицейские. Два детектива. Один был умнее второго, это я помню. А кто был кто – нет. Кажется, тот, что глупее, был за главного, и в те времена это было в порядке вещей.

– Ну, в общем, во второй раз с вами разговаривал Маккитрик. В протоколе он записал, что вы изменили свои показания и рассказали о вечеринке в Хэнкок-Парке.

– Да, вечеринка была. Я туда не пошла, потому что... потому что Джонни Фокс накануне вечером поставил мне фингал. Видок у меня был тот еще. Как я ни колдовала с косметикой, заплывший глаз замаскировать так и не удалось. Поверь мне, на вечеринке в Хэнкок-Парке с таким лицом ловить было нечего.

– Кто устраивал эту вечеринку?

– Не помню. Не уверена, что я вообще знала, кто это был.

Что-то в ее тоне царапнуло Босха. Он изменился, и ответ прозвучал так, как будто она заранее его отрепетировала.

– Вы точно уверены, что не помните?

– Ну конечно точно. – Кэтрин поднялась. – Схожу-ка я принесу еще водички.

Она забрала у него стакан и снова вышла из гостиной. Босх поймал себя на том, что его давнее знакомство с этой женщиной и эмоции, всколыхнувшиеся у него в душе при встрече столько лет спустя, точно отбили у него большую часть сыщических инстинктов. Его чутье молчало. Он не мог сказать, утаивает она что-то от него или нет. Следовало каким-то образом вывести разговор обратно на ту вечеринку. Он полагал, что ей было известно больше, чем она рассказала тогда на допросе много лет назад.

Кэтрин вернулась с двумя стаканами воды со льдом и поставила его стакан перед ним на пробковую подставку. Что-то в том, как аккуратно она опустила стакан на стол, сказало ему о ней нечто большее, нежели то, что она поведала ему о себе словами. Тот уровень жизни, который был у нее сейчас, очень дорого ей достался. И это положение со всеми теми материальными благами, которые прилагались к нему в комплекте – вроде стеклянных кофейных столиков и пушистых ковров, – очень много для нее значили, и она готова была тратить силы на их поддержание.

Снова усевшись в кресло, Кэтрин отпила воды из стакана.

– Гарри, я должна кое в чем тебе признаться. Я не сказала им всей правды. Нет, я не солгала, но и всей правды тоже не сказала. Я боялась.

– Чего именно вы боялись?

– Я начала бояться с того дня, когда ее нашли. Понимаешь, в то утро мне позвонили. Еще до того, как я про нее узнала. Звонил мужчина, но голос был мне незнаком. Он сказал, что если я буду вякать, то стану следующей. «Мой тебе совет, дорогуша, убирайся-ка ты из Доджа подальше». Потом, разумеется, я узнала, что по дому ходят полицейские, и пошла к ним. А там мне сказали, что ее убили. И я сделала так, как мне было велено. Уехала. Подождала неделю, пока полицейские не сказали, что я им больше не нужна, и перебралась на Лонг-Бич. Сменила имя, начала новую жизнь. Там я познакомилась с мужем, а потом, уже много лет спустя, мы переехали сюда... Знаешь, с тех пор я ни разу не бывала в Голливуде, даже проездом. Ужасное место.

– О чем вы тогда не рассказали Эноу с Маккитриком?

Кэтрин заговорила, внимательно разглядывая руки:

– Понимаешь, мне было страшно, поэтому я не сказала им всей правды... но я знала, с кем она собиралась встретиться там, на вечеринке. Мы же с ней были как сестры. Жили в одном доме, делились друг с другом одеждой, секретами, да вообще всем. Мы каждое утро болтали, вместе пили кофе. У нас не было друг от друга тайн. И мы собирались пойти на эту вечеринку вдвоем. Разумеется, после того... после того, как Джонни меня избил, ей пришлось пойти в одиночку.

– Кэтрин, с кем она собиралась там встретиться? – подстегнул ее Босх.

– Это правильный вопрос, но те детективы так мне его и не задали. Они лишь хотели знать, кто устраивал ту вечеринку и где она проходила. Это было не важно. А важно было, с кем она собиралась там встретиться, но они об этом так и не спросили.

– И кто это был?

Она перевела взгляд с рук на камин и долго смотрела на холодные обугленные головешки – так некоторые заворуженно смотрят на пылающий огонь.

– Это был человек по имени Арно Конклин. Тогда он был очень важной шишкой в...

– Я знаю, кем он был.

– Правда?

– Его имя упоминалось в протоколах. Но в другом контексте. Как вы могли не рассказать об этом полицейским?

Она резко повернулась и пробурлавила его взглядом:

– Не надо на меня так смотреть. Я же сказала тебе, что была напугана. Мне угрожали. И они все равно ничего бы не сделали. Конклин купил их обоих с потрохами. Они не стали бы под него копать на основании слов какой-то... девицы по вызову, которая ничего не видела, а всего лишь слышала чье-то имя. Мне надо было думать о себе. Гарри, твоя мать была мертва. Я ничего не могла с этим поделать.

Ее глаза гневно сверкнули. Он понимал, что ее гнев направлен отчасти на него, но еще больше на саму себя. Она могла перечислять свои оправдания хоть до посинения, но Босх показалось, что она каждый день в глубине души корит себя за то, что когда-то смалодушничала.

– Вы считаете, это Конклин ее убил?

– Я не знаю. Знаю только, что она уже встречалась с ним до этого, и все всегда было нормально. Никаких тревожных звоночков. Я не знаю, что тебе ответить.

– У вас есть какие-то предположения, кто мог вам тогда звонить?

– Никаких.

– Конклин?

– Я не знаю. Я же никогда не слышала его голос.

– А вы когда-нибудь видели их вместе? Мою мать и его?

– Однажды, на танцах в Масонской ложе². Кажется, они там и познакомились. Джонни Фокс представил их друг другу. Думаю, Арно ничего не знал... про нее. По крайней мере, тогда.

– Может, это Фокс вам звонил?

– Нет. Я узнала бы его голос.

Босх на некоторое время задумался.

– Вы виделись с Фоксом после того утра?

– Нет. Я целую неделю его избегала. Это было несложно, потому что, судя по всему, он скрывался от копов. А потом я уехала. Тот, кто мне звонил, нагнал на меня жуткого страха. Я

² Имеется в виду Голливудский масонский храм, построенный в 1922 году. В разное время использовался как масонская ложа, театр оперетты и ночной клуб.

уехала в Лонг-Бич в тот же день, как только копы сказали, что я им больше не нужна. Покидала вещи в чемодан и села в автобус... Знаешь, некоторые мои вещи оставались в квартире твоей матери. Она их у меня одолжила на время. Я даже не стала пытаться их забрать. Просто собрала все, что у меня было, и уехала.

Босх молчал. Больше спрашивать было не о чем.

– Знаешь, я часто думаю о тех временах, – продолжала Кэтрин. – Мы с твоей матерью жили на дне, но мы были настоящими подругами и, несмотря ни на что, радовались жизни.

– Знаете, все мои детские воспоминания... очень многие из них связаны с вами. Вы всегда были рядом с ней.

– Мы много смеялись, несмотря ни на что, – произнесла она ностальгически. – А ты... ты был главным в нашей жизни. Знаешь, когда тебя у нее отобрали, это едва ее не убило... Она никогда не прекращала попыток вернуть тебя. Надеюсь, ты это знаешь. Она любила тебя. И я тоже.

– Да, я это знаю.

– Но после того как тебя забрали, в ней как будто что-то надломилось. Иногда я думаю: то, что с ней случилось, было, наверное, неизбежным. Как будто она шла к тому переулку долго и целенаправленно.

Босх поднялся, глядя в ее печальные глаза:

– Пожалуй, я поеду. Буду держать вас в курсе.

– Это было бы замечательно. Мне не хотелось бы терять с тобой связь.

– Мне тоже.

Он двинулся к двери, отчетливо понимая, что никакую связь поддерживать они не будут. Время истончило ее. Они стали чужими людьми, у которых было общее прошлое. На пороге он обернулся и посмотрел на нее.

– Та рождественская открытка, которую вы мне послали... Вы ведь еще тогда хотели, чтобы я занялся этим делом, да?

– Я не знаю. – Она слабо улыбнулась в ответ. – Мой муж тогда только что умер, и я подводила итоги, что ли. Я думала о ней. И о тебе. Я горжусь тем, чего я достигла, малыш Гарри. И часто думаю о том, чего могла бы достичь она и ты. Я до сих пор зла на того, кто это сделал. Он должен за это...

Она не закончила фразу, но Босх кивнул.

– До свидания, Гарри.

– Я думаю, моей матери очень повезло с подругой.

– Хотелось бы надеяться.

Глава 7

Вернувшись в машину, Босх вытащил блокнот и пробежал взглядом свой список:

*Конклин
Макитрик и Эноу
Мерedit Роман
Джонни Фокс*

Он вычеркнул имя Мерedit Роман и некоторое время внимательно смотрел на оставшиеся. Порядок, в котором они шли в списке, не совпадал с тем, в каком порядке он хотел с ними поговорить. Прежде чем пытаться подступиться к Конклину или даже Макитрику с Эноу, нужно было раздобыть побольше информации.

Он вытащил из кармана куртки записную книжку и, достав из портфеля мобильный телефон, набрал номер Управления автомобильным транспортом в Сакраменто и представился лейтенантом Харви Паундзом. Назвав табельный номер Паундза, он попросил пробить Джонни Фокса. Дата рождения была записана у него в блокноте. В ожидании ответа он произвел в уме нехитрые подсчеты и получил, что Фоксу сейчас исполнился шестьдесят один год.

Ожидание между тем затягивалось, и он улыбнулся, представляя себе, как Паундз потом будет объясняться с начальством. В управлении не так давно ввели практику аудита обращений в службу предоставления информации. После того как в «Дейли ньюс» вышла статья о том, что полицейские повсеместно пользуются своими связями, чтобы по дружбе пробивать через Управление автомобильным транспортом нужных людей для дружественных репортеров и частных детективов, чьи наниматели не скупились на оплату издержек, новое начальство закрутило гайки и потребовало, чтобы все звонки и компьютерные запросы в службу информации управления регистрировались в специально введенной форме, в которой необходимо было указать для каждого такого обращения номер связанного с ним дела либо конкретную причину. Затем эти формы отправлялись в Паркер-центр и сверялись со списком выданных Управлением автомобильным транспортом за месяц сведений. Когда в процессе следующей такой сверки в списке появится имя лейтенанта Паундза, а соответствующей формы не окажется, ему придется объясняться с аудиторами.

Табельный номер лейтенанта Босх узнал из его служебного удостоверения, когда Паундз как-то раз опрометчиво оставил его приколотым к куртке, которую повесил на вешалку перед входом в кабинет. Он тогда на всякий случай занес номер к себе в записную книжку, решив, что когда-нибудь это может ему пригодиться.

Наконец вернулась служащая Управления автомобильным транспортом и сообщила, что в настоящее время на имя Джонни Фокса с датой рождения, которую сообщил Босх, никаких автомобилей не зарегистрировано.

- И частичных совпадений тоже никаких?
- Никаких, дорогуша.
- Лейтенант, мисс, – строгим тоном поправил ее Босх. – Лейтенант Паундз.
- Миз, лейтенант. Миз Шарп.
- Да уж, вам палец в рот не клади. Скажите мне, миз Шарп, сведения за какой срок хранятся в вашем компьютере?
- За семь лет. Еще вопросы?
- А как проверить записи за более ранний период?
- Никак. Если хотите заказать ручную проверку записей, пишите официальный запрос, лей-те-нант. Срок исполнения до четырнадцати дней. В вашем случае можете рассчитывать на максимум. Еще вопросы?

- Больше вопросов нет, но мне не нравится ваше отношение.
- Это взаимно. Всего наилучшего.

Босх захлопнул крышку телефона и расхохотался. Теперь информация о его обращении в транспортное управление точно никуда не денется. Уж миз Шарп за этим проследит. Скорее всего, фамилия Паундза будет первой в списке, поданном в Паркер-центр. Он набрал служебный номер Эдгара и застал бывшего напарника практически на выходе из участка.

– Гарри, что случилось?

– Ты чем-то занят?

– Нет. Ничего нового.

– Можешь пробить для меня одно имя? Я уже звонил транспортникам, но мне нужно, чтобы кто-нибудь порылся в компьютере.

– Э-э-э...

– Послушай, ты можешь или не можешь? Если ты беспокоишься из-за Паундза, то...

– Эй, Гарри, полегче. Что за муха тебя укусила? Я не сказал, что не могу. Назови имя.

Босх сам не понимал, почему отношение Эдгара так его взбесило. Он сделал глубокий вдох и попытался успокоиться.

– Джон Фокс. Джонни.

– Черт, да этих Джонов Фоксов как собак нерезанных. У тебя есть дата рождения?

– Да, есть.

Босх снова заглянул в блокнот и продиктовал Эдгару дату.

– Чем он тебе насолил? Как твои дела, кстати?

– По-всякому. Потом расскажу. Ты пробьешь его?

– Да. Я же сказал, что пробую.

– Ладно, у тебя есть мой мобильный номер. Если не дозвонишься, оставь сообщение на автоответчике на домашнем телефоне.

– Когда руки дойдут, Гарри.

– погоди, ты же сказал, что ничем не занят.

– Ну да, но я все-таки работаю. Я не могу тратить все свое время на твои хотелки.

Босх на мгновение даже дар речи потерял.

– Знаешь что, Джерри, иди ты к черту. Я сам.

– Послушай, Гарри, я же не говорю, что я не...

– А я говорю. Ладно, все, проехали. Я не хочу подставлять тебя с твоим новым напарником или вашего бесстрашного начальника. Тебя ведь это смущает, да? Так что не надо мне этой лажи про работу. Ты ничем не занят. Ты собирался домой и сам прекрасно это знаешь. А, стой, или, может, не домой, а снова в бар с Бамси.

– Гарри...

– Все, давай, пока.

Босх захлопнул крышку телефона и некоторое время сидел неподвижно, дожидаясь, когда утихнет гнев, волнами исходивший от него, точно жар от решетки радиатора. Потом зазвонил телефон, который он все еще держал в руке, и Босху немедленно полегчало.

– Послушай, я был не прав, – произнес он в трубку, открыв крышку. – Все, проехали.

Последовало долгое молчание.

– Алло?

Голос был женский, и Босх немедленно смутился:

– Да?

– Детектив Босх?

– Да, прошу прощения, я думал, это другой человек.

– И кто же?

– А кто это?

– Это доктор Инохос.

– О! – Босх закрыл глаза и почувствовал, как гнев возвращается. – Чем могу вам помочь?

– Я звонила напомнить вам, что у нас завтра очередная сессия. В три тридцать. Вы приедете?

– У меня нет выбора, вы не забыли? И вам совершенно не обязательно каждый раз мне звонить, чтобы напомнить о сессии. Вы не поверите, но у меня есть ежедневник, часы и будильник. Я большой мальчик.

Едва успев договорить, Босх понял, что перегнул с сарказмом.

– Кажется, я позвонила в неудачный момент. Не буду...

– Да, именно так.

– ...вам мешать. До завтра, детектив Босх.

– Всего доброго.

Он снова захлопнул крышку телефона и бросил его на сиденье машины. Потом завел двигатель и, выехав на бульвар Оушен-Парк, свернул оттуда на Банди-драйв и поехал в направлении шоссе номер 10. Уже подъезжая к виадук, ведущему на шоссе, он увидел, что автомобили, движущиеся в восточном направлении, не едут, а едва ползут, а сам виадук забит машинами, ждущими своей очереди влиться в эту мертвую пробку.

– Твою ж мать, – выругался он в сердцах.

Он проехал по виадук прямо, не вырвав с него на шоссе, потом свернул под эстакаду и по Банди-драйв доехал до бульвара Уилшир, после чего двинулся на запад, в направлении центра Санта-Моники. На то, чтобы найти место для парковки в окрестностях Третьей улицы Променада, у него ушло пятнадцать минут. После землетрясения он избегал пользоваться крытыми многоуровневыми паркингами и не хотел делать это сейчас.

«Ты не человек, а какое-то ходячее противоречие, – твердил Босх себе, наматывая круги по улицам в поисках свободного местечка для парковки. – Ты живешь в доме, который жилищная инспекция объявила готовым в любой момент сползти по склону холма, но при этом не желаешь пользоваться паркингом». Наконец ему удалось приткнуться машину у обочины напротив порно-театра примерно в квартале от Променада.

Самые горячие вечерние часы он провел, прочесывая три примыкающие друг к другу квартала, набитые уличными ресторанчиками, кинотеатрами и магазинами. Он зашел в «Кинг Джордж» на бульваре Санта-Моника, где, как он знал, любили бывать некоторые детективы из подразделения Западного Лос-Анджелеса, но никого из его знакомых там не оказалось. После этого он перекусил пиццей, купленной в уличном киоске, и стал наблюдать за людьми. На глаза ему попался уличный акробат, жонглировавший пятью мясницкими ножами. Босху подумалось, что он представляет, какие чувства жонглер при этом испытывает.

Он сидел на скамейке, глядя на текущие мимо потоки людей. Единственными, кто обращал на него внимание и останавливался перекинуться с ним словечком, были бездомные бродяги, и вскоре у него уже не осталось мелочи, которую можно было им дать. Босх чувствовал себя одиноким. Ему вспомнилась Кэтрин Регистер и ее слова о прошлом. Она сказала, что прошлое сделало ее сильной, но он знал, что источником спокойствия и силы может быть и печаль. Это был ее случай.

Он стал думать о том, что она сделала пять лет назад. У нее умер муж, она принялась подводить итоги собственной жизни и обнаружила прореху в воспоминаниях. Боль. Тогда она отправила ему открытку в надежде, что он, возможно, что-нибудь сделает. И этот план почти сработал. Он взял из архива дело, но у него не хватило силы, а может, слабости, чтобы открыть его.

Когда стемнело, он прошелся по Бродвею до «Мистера Би», нашел свободный табурет у барной стойки и заказал себе «глубинную бомбу»³ из пива с «Джеком Дэниелсом». На маленькой сцене в глубине бара играл квинтет. Солист вяло мусолил тенор-саксофон. Звучали последние аккорды «Do Nothing Till You Hear from Me», и Босх понял, что, видимо, пришел под самый конец представления. Саксофонист уже явно устал и не вытягивал. Звук получался смазанный.

Разочарованный, Босх отвел взгляд от музыкантов и сделал большой глоток пива. Потом посмотрел на часы и подумал, что если уйдет прямо сейчас, сможет добраться до дому без пробок, но остался сидеть. Он взял рюмку с виски и, опустив ее в бокал, от души отхлебнул ядерной смеси. Музыканты заиграли «What a Wonderful World». Петть ни один из них не вышел, но, разумеется, конкурировать с Луи Армстронгом не смог бы никто. Босха, впрочем, это не огорчило. Он знал слова наизусть.

I see trees of green,
Red roses, too.
I see them bloom,
For me and you.
And I think to myself,
What a wonderful world⁴.

От этих слов Босху стало еще более грустно и одиноко, но в этом не было ничего плохого. Одиночество было как тлеющий в мусорном бачке огонь, который сопровождал его большую часть жизни. Он жил так до Сильвии и сможет жить и дальше. Просто нужно время – и чтобы прошла боль потери.

За три месяца с тех пор, как она ушла, он получил от нее одну открытку – ту самую, из Венеции, – и ничего больше. Ее уход расколол его жизнь пополам. До нее работа всегда была для него устойчивыми рельсами, такими же незыблемыми, как закат над Тихим океаном. С ее появлением он сделал попытку уйти на другой путь – самый, пожалуй, отважный рывок за всю его жизнь. Но у него ничего не вышло. А теперь у него было ощущение, что он вообще окончательно сошел с рельсов. Внутри он чувствовал себя таким же рассыпавшимся на кусочки, как этот город. Разрушенным, казалось ему временами, на всех уровнях.

Он услышал женский голос, негромко напевавший слова песни, и, повернувшись, увидел в нескольких шагах от себя молодую женщину. Сидя на высоком барном табурете с закрытыми глазами, она пела – тихонько, практически про себя, но Босх все равно ее слышал.

I see skies of blue,
And clouds of white,
The bright blessed day,
The dark sacred night.
And I think to myself,
What a wonderful world⁵.

Она была в короткой белой юбке с футболкой и в яркой жилетке, не старше двадцати пяти лет, и Босх был приятно удивлен, что она вообще знает эту песню. Она сидела очень

³ «Глубинная бомба» – технология приготовления коктейля из пива и крепкого алкоголя, при которой рюмка с крепким напитком опускается в бокал с пивом.

⁴ Я вижу зеленые деревья и алые розы. Я вижу, как они расцветают для нас с тобой, и думаю: «До чего же прекрасен наш мир» (англ.).

⁵ Я вижу синее небо и белые облака, ясный день и темную ночь и думаю: «До чего же прекрасен наш мир» (англ.).

прямо, закинув ногу на ногу и покачиваясь в такт саксофону. Запрокинутое лицо обрамляли темные волосы, а полуоткрытые губы делали его почти что ангельским. Босх подумал, что, совершенно растворившаяся в музыке, она просто прекрасна. Пусть, может и не самая чисто исполняемая, мелодия завладела ею, и он восхищался тем, что она позволила себе полностью отдаться моменту. У нее было лицо того типа, которое другие полицейские называли «непридельным». Такое прекрасное, что просто обречено было всегда служить защитой. Что бы она ни сделала и что бы ни сделали с ней, лицо будет ее счастливым билетом. Оно будет открывать перед ней все двери и закрывать их за ней. Оно позволит ей при любых обстоятельствах остаться не при делах.

Песня закончилась, и она открыла глаза и захлопала. До этого никто не аплодировал. А потом все в баре, включая и Босха, тоже начали хлопать – такой силой обладало «непридельное» лицо. Босх повернулся и сделал бармену знак повторить его заказ. Когда тот поставил перед ним бокал с пивом и рюмку с виски, он бросил взгляд в ту сторону, где сидела женщина, но ее уже не было. Он обернулся к входной двери ровно в тот момент, когда она захлопнулась. Упустил.

Глава 8

Домой он поехал через бульвар Сансет, чтобы прокатиться по городу. Машин было немного. Он просидел в баре дольше, чем планировал. Босх закурил и включил приемник на круглосуточный новостной канал. Передавали репортаж о том, что в Вэлли наконец-то открыли после землетрясения школу Грант-Хай. Ту самую, где преподавала Сильвия – до того, как уехала в Венецию.

Он устал, да и тест на алкоголь тоже, будучи остановлен, скорее всего, не прошел бы, поэтому, подъезжая к Беверли-Хиллз, сбросил скорость до разрешенной. Снисхождения от местной дорожной полиции ждать не приходилось, а ему сейчас вдобавок к временному отстранению не хватало только лишиться водительских прав.

На перекрестке с бульваром Лорел-Каньон он повернул налево и поехал по извилистой дороге, ведущей по холму вверх. Доехав до Малхолланд-драйв, он собрался повернуть направо на красный свет, но потом бросил взгляд влево, чтобы убедиться, что там нет машин, – и замер. Из зарослей кустов на обочине слева, где начиналась лощина, вышел койот и нерешительно поглядывал на проезжую часть. Других машин на дороге не было. Только Босх видел это.

Зверь был тощий и облезлый, измученный борьбой за выживание в городской черте. Туман, поднимавшийся из лощины, отражал огни фонарей и окутывал койота голубоватым светящимся ореолом. Некоторое время зверь пристально смотрел на машину Босха; красный свет светофора отражался в его глазах. На мгновение Босху показалось, что взгляд койота устремлен прямо на него. Потом зверь развернулся и исчез в голубоватой дымке.

Сзади требовательно загудел успевший подъехать автомобиль. Босх не заметил, как ему загорелся зеленый. Он махнул рукой в окно в знак извинения и повернул на Малхолланд, но практически сразу же съехал на обочину и, заглушив двигатель, вышел из машины.

Вечер был прохладный, и Босх, пока шел через перекресток к тому месту, где видел голубого койота, успел даже немного подмерзнуть. Он сам толком не понимал, зачем это делает, но страшно ему не было. Он просто хотел снова увидеть зверя. Остановившись на краю лощины, он заглянул вниз, в темноту. Теперь повсюду вокруг него была голубая дымка. Мимо проехала машина, и когда шум утих, он снова напряг слух и внимательно вгляделся в темноту. Но все было напрасно. Койот исчез. Босх вернулся к машине и поехал домой.

Позднее, уже лежа в постели с включенным светом после еще нескольких банок пива, он закурил последнюю на вечер сигарету и устремил взгляд в потолок. Он оставил свет гореть, но мысли его были о темной ночи. И о голубом койоте. И о женщине с «непридельным» лицом. Очень скоро все эти мысли вместе с ним самим уплыли в темноту.

Глава 9

Толком поспать Босху не удалось, и еще до рассвета он был на ногах. Последняя за вечер сигарета лишь чудом не стала последней во всей его жизни. Он уснул, так и держа ее в пальцах, и был разбужен резкой болью от ожога. Перевязав два пострадавших пальца, он попытался снова лечь спать, но у него ничего не получилось. Мешала пульсирующая боль и мысли о том, сколько раз ему приходилось расследовать смерти незадачливых алкоголиков, которые вот так же уснули с сигаретой в руке и в результате погибли в огне пожара. Интересно, что сказала бы об этом Кармен Инохос? Что это тоже симптом тяги к саморазрушению?

Когда сквозь плотные шторы начал просачиваться бледный свет, он наконец сдался и вышел из кровати. Пока в кухне варился кофе, он направился в ванную и заново перевязал обожженные пальцы. Накладывая свежую повязку, он бросил взгляд в зеркало и увидел, что под глазами у него залегли глубокие морщины.

– Черт! – выругался он себе под нос. – Что происходит?

Устроившись на террасе с тыльной стороны дома, он пил черный кофе и смотрел, как пробуждается сонный город. В утреннем прохладном воздухе терпко пахло эвкалиптами, которые росли чуть дальше в низине. За ночь с океана приполз туман, и в голубоватой дымке лишь смутно угадывались очертания холмов. Босх примерно час смотрел на то, как начинается утро, замороженный зрелищем, которое открывалось с террасы.

Лишь вернувшись в дом за второй чашкой кофе, он заметил, что на телефоне мигает красный огонек автоответчика. На нем оказалось два новых сообщения, которые, видимо, были оставлены накануне и которые он не заметил, приехав вчера домой поздно вечером. Он нажал кнопку воспроизведения.

«Босх, это лейтенант Паундз. Звоню вам во вторник, в пятнадцать тридцать пять. Должен уведомить вас о том, что на время вашего нахождения в административном отпуске и вплоть до прояснения вашего... э-э-э... статуса в управлении вы согласно пункту три дробь тринадцать правил внутреннего распорядка должны сдать служебную машину в гараж Голливудского отделения. У меня тут записано, что это четырехлетний «шевроле-каприс», номер один-а-а-три-четыре-ноль-два. Пожалуйста, немедленно свяжитесь с гаражом для возврата и проверки автомобиля. Неисполнение требования может привести к отстранению или увольнению. Повторяю, это приказ лейтенанта Паундза, время теперь пятнадцать тридцать шесть, вторник. Если какая-либо часть этого сообщения вам непонятна, обращайтесь за разъяснениями ко мне в бюро».

Судя по данным автоответчика, на самом деле сообщение было оставлено в четыре часа дня во вторник, видимо, прямо перед тем, как Паундз, закончив рабочий день, отправился домой. Да и черт с ним, подумал Босх. Все равно эта машина слова доброго не стоит. Пусть подавятся.

Второе сообщение было от Эдгара.

«Гарри, ты дома? Это Эдгар... Слушай, давай забудем про все, что сегодня было. Ладно? Я серьезно. Сойдемся на том, что я повел себя как мудака и ты повел себя как мудака, мы оба с тобой повели себя как мудаки, и на этом поставим точку. Ты мой напарник, и даже если окажется, что это уже в прошлом, я все равно многим тебе обязан. И если я когда-нибудь начну вести себя так, как будто я это позабыл, дай мне оплеуху, как сегодня. А теперь к плохим новостям. Я пробил этого Джонни Фокса по всем возможным базам. И везде по нулям. Национальный центр криминальной информации, Минюст, службу профилактики преступности, Управление по делам исправительных учреждений – все проверил. Он нигде не засветился. Похоже, он чист, если вообще жив. Ты говоришь, что на него даже не зарегистрирован ни один автомобиль, так что это либо не его настоящее имя, либо его уже нет в живых. Такие дела. Я

не знаю, что ты затеял, но, если тебе понадобится что-нибудь еще, звони... И заезжай тоже, приятель. Я сейчас работаю с десяти до семи, так что ты сможешь застать меня дома, если...»

На этом сообщение обрывалось. Эдгар превысил разрешенный лимит времени. Босх перемотал пленку и налил себе кофе. После этого он вернулся на террасу и стал размышлять о том, где сейчас может находиться Джонни Фокс. Когда на него не нашлось никаких данных в Управлении автомобильным транспортом, Босх предположил, что Фокс может отбывать срок в тюрьме, где водительские права без надобности. Но Эдгар не обнаружил упоминаний о нем ни в базе Управления по делам исправительных учреждений, ни в любых других базах страны, куда заносились данные правонарушителей. Возможно, конечно, он исправился – ну или, как предположил Эдгар, был мертв. Босх, пожалуй, поставил бы на последний вариант. Таких, как Джонни Фокс, исправить могла только могила.

Альтернативой было идти в городской архив Лос-Анджелеса и искать там свидетельство о смерти, но без точной даты это было все равно что пытаться найти иголку в стоге сена. На это могли уйти недели. Босх решил, что сначала попробует прибегнуть к более легкому способу – отыскать его через «Лос-Анджелес таймс».

Он вернулся в дом и набрал номер журналистки по имени Киша Рассел. В отделе криминальной хроники та была новенькой и пока что пыталась пробиться. Несколько месяцев назад она сделала тонкую попытку завербовать Босха в качестве источника. Обычным среди репортеров способом сделать это было написать несколько статей о каком-нибудь пустяковом преступлении, которое совершенно не заслуживало столь пристального внимания. Однако в процессе они постоянно контактировали с детективами, что давало возможность постепенно заручиться их расположением и, если удастся, заполучить в качестве источников информации на будущее.

Рассел за неделю накропала пять статей об одном деле, которое расследовал Босх. Речь шла о домашнем насилии: муж, проигнорировав временный запрет приближаться к жене, которая от него ушла, заявился в ее новую квартиру на Франклин-авеню. Он притащил ее на балкон шестого этажа и скинул вниз, а затем сам сиганул следом. Во время работы над циклом она регулярно разговаривала с Босхом. Статьи получились глубокие и подробные. Это была хорошая работа, и Босх зауважал Рассел. Однако он понимал: она рассчитывает на то, что эти статьи и ее внимание станут тем фундаментом, на котором она сможет построить их дальнейшее сотрудничество. С тех пор не проходило и недели, чтобы она раз или два не позвонила Босху – поболтать, поделиться каким-нибудь слухом из жизни управления, полученным из других источников, и задать тот единственный вопрос, вокруг которого вертелась жизнь всех репортеров: «Есть что-нибудь интересненькое?»

Она сняла трубку с первого же гудка. Босх был удивлен, что застал ее в редакции в такую рань. Он-то собирался оставить ей сообщение на автоответчике.

– Киша, это Босх.

– Привет, Босх, как делишки?

– Да помаленьку. Думаю, ты обо мне уже слышала.

– Не во всех подробностях, однако знаю, что тебя временно отправили в отпуск. Но никто не рассказывает мне почему. Не хочешь поговорить об этом?

– Не очень. В смысле, сейчас не до того. Я хочу попросить тебя об одолжении. Если все получится, будет тебе материал для статьи. Я раньше работал с другими репортерами на таких условиях.

– Что нужно будет сделать?

– Прогуляться до морга.

Она простонала.

– Я имею в виду газетный морг. У вас в «Таймс».

– А, это уже лучше. Что тебе нужно?

– У меня есть одно имя. Оно давнишнее. Мне известно, что этот малый промышлял грязными делишками в пятидесятых и как минимум в начале шестидесятых. Но потом он исчез с радаров. Моя чуйка подсказывает мне, что он мертв.

– Тебе нужен некролог?

– Ну, я не уверен, что он из тех людей, чей некролог стали бы публиковать в «Таймс». Насколько я понимаю, он был довольно мелкой сошкой. Я скорее о том, что могла быть какая-то заметка, ну, если он умер не своей смертью.

– Ты имеешь в виду, если его замочили.

– Угу.

– Ладно. Я посмотрю.

Она явно была настроена рыть носом землю. Босх понимал: она рассчитывает, что, оказав ему эту услугу, тем самым укрепит их отношения и это окупится в будущем. Он не стал ее разубеждать.

– Как его звали?

– Джон Фокс. В обиходе Джонни. Последний раз он засветился в шестьдесят первом году. Он был сутенером. Человеческий мусор.

– Белый, черный, желтый или коричневый?

– Белый мусор, если можно так сказать.

– У тебя есть дата рождения? Это поможет сузить поиск, если в архивах обнаружится несколько Джонни Фоксов.

Он продиктовал ей дату рождения.

– Ладно, где тебя искать?

Босх дал ей номер своего мобильного телефона. Он знал, что она заглтит наживку. Номер отправится прямым ходом в список источников, который она хранила у себя на компьютере, точно золотые сережки в шкатулке. Ради того чтобы заполучить номер, по которому можно было связаться с ним практически в любое время дня и ночи, стоило покопаться в морге.

– Ладно, у меня сейчас встреча с редактором – я, собственно, только поэтому так рано и пришла. Но потом я займусь поиском. Я позвоню тебе, как только что-нибудь найду.

– Если вообще что-нибудь найдется.

– Ну да.

Повесив трубку, Босх закинул в рот горсть кукурузных хлопьев в сахарной глазури из коробки, которую достал из холодильника, и включил новости по радио. Газету он после землетрясения на всякий случай выписывать перестал: если бы Гауди, жилищный инспектор, вдруг без предупреждения явился бы рано утром и увидел торчащую из почтового ящика перед домом газету, он понял бы, что в доме, который он признал непригодным для проживания, кто-то живет. В новостях не оказалось ничего интересного. Во всяком случае, в Голливуде никого не убили. Он ничего не пропускал.

Его внимание привлек один репортаж, который передали сразу же после сообщения о дорожной обстановке. Осьминог из городского океанариума в Сан-Педро погиб после того, как, обвив шупальцем трубу, по которой в его аквариум поступала вода, выдернул ее из гнезда. Вся вода вытекла, и осьминог умер. Зоозащитники называли это суицидом, отчаянным протестом осьминога против жизни в неволе. Да уж, такое возможно только в Лос-Анджелесе, подумал Босх и выключил радио. Тут даже морские гады кончают с собой от безнадеги.

Он не спеша принял душ, постоял с закрытыми глазами под струями теплой воды. Уже после, бреясь перед зеркалом, не удержался от искушения и снова принялся разглядывать темные круги под глазами. Они казались еще более заметными и как нельзя лучше гармонировали с красными от вчерашних возлияний белками.

Босх положил бритву на край раковины и наклонился ближе к зеркалу. Кожа казалась бледной, как одноразовая тарелка из переработанного картона. Рассматривая себя оценива-

ющим взглядом, он подумал, что когда-то ведь считался красивым мужчиной. Теперь это в прошлом. Он выглядел потрепанным жизнью. Возраст брал над ним верх, накладывая на внешность свой отпечаток. Он подумал, что напоминает одного из тех стариков, взглянуть на которых он приезжал после того, как их находили мертвыми в собственных постелях. В дешевых меблированных комнатах. В коробках из-под холодильников. Он куда больше напоминал себе мертвеца, чем живого человека.

Он открыл дверцу аптечного шкафчика, чтобы не смотреть на отражение, и, пошарив на стеклянных полочках, нашел пластиковый флакончик с глазными каплями. От души закапав в глаза, он полотенцем вытер с лица излишки и вышел из ванной. Шкафчик он оставил открытым, чтобы не смотреть снова на свое отражение.

Он надел свой лучший костюм, серый комплект-двойку и белую рубашку. Потом завязал малиновый галстук с узором из гладиаторских шлемов. Его любимый. И самый старый. Материал по краям уже расползался, но Босх упрямо надевал его два или три раза в неделю. Этот галстук он купил десять лет назад, когда ему впервые поручили расследовать убийство. Он закрепил галстук золотой булавкой с выгравированным на ней числом 187 – это был номер статьи Уголовного кодекса Калифорнии, в котором речь шла об убийствах. После этого он ощутил, как к нему возвращается собранность. Он снова почувствовал себя нормальным человеком, и к нему вернулась злость. Он готов был выйти в мир, и не важно, готов был мир принять его или нет.

Глава 10

Прежде чем переступить порог участка, Босх подтянул узел галстука. Войдя через заднюю дверь, он по коридору прошел в бюро, где сидели детективы, и по проходу между столами направился прямо к закутку за стеклянной перегородкой, которая отделяла Паундза от его подчиненных. Его появление было встречено волной вскинутых голов за столами. Босх не стал никого приветствовать, хотя едва не споткнулся, увидев, что за его столом кто-то сидит. Бернс. Эдгар был на своем месте, но сидел спиной к проходу и Гарри не видел.

В отличие от Паундза. Увидев направляющегося к нему Босха сквозь стеклянную перегородку, тот поднялся из своего кресла.

Первое же, что бросилось в глаза Босху, это что стеклянную панель, которую он разбил всего неделю назад, уже заменили. И это притом, что согласования у начальства ремонта действительно критически важных вещей, например замены изрешеченного пулями лобового стекла патрульной машины, можно было ждать до посинения. Вот такие у них в управлении были приоритеты.

– Генри! – рявкнул Паундз. – Зайдите ко мне.

Пожилой мужчина, сидевший за конторкой и отвечавший за прием звонков по внешней линии и координацию посетителей, вскочил и поспешил в стеклянный закуток. Он был волонтером из гражданских – таких работало в участке несколько человек, главным образом пенсионеров. Полицейские между собой именовали их антикварным отрядом.

Босх вошел за загородку следом и поставил свой портфель на пол.

– Босх! – взвизгнул Паундз. – Учти, тут присутствует свидетель! – Он указал на старого Генри, потом махнул в направлении стеклянной перегородки. – И не один!

Под обоими глазами у Паундза до сих пор багровели лопнувшие капилляры. Отек, впрочем, сошел. Босх подошел к столу и сунул руку в карман пиджака.

– Свидетель чего?

– Того, что вы собрались тут устроить.

– Генри, вы можете выйти. Я собираюсь всего лишь поговорить с лейтенантом.

– Генри, останьтесь! – скомандовал Паундз. – Я хочу, чтобы вы это слышали.

– И вы полагаете, Паундз, что он это запомнит? Да он даже информацию о звонке до нужного стола донести не в состоянии.

Босх снова повернулся к Генри и просверлил того таким взглядом, что ни малейших сомнений в том, кто здесь главный, остаться просто не могло.

– Не забудьте закрыть дверь, когда будете уходить.

Генри боязливо покосился на Паундза, потом поспешно выскочил за дверь, закрыв ее за собой, как и было велено. Босх снова обернулся к начальнику.

Лейтенант медленно, точно кот, прокрадывающийся мимо собаки, опустился в кресло, видимо по опыту рассудив, что так будет безопаснее, нежели оставаться с Босхом лицом к лицу. Гарри опустил глаза и увидел, что на столе лежит раскрытая книга. Протянув руку, он загнул обложку, чтобы взглянуть, что это читает Паундз.

– К экзамену на звание капитана готовитесь, лейтенант?

Паундз шарахнулся от Босха. Книга оказалась не справочником для подготовки к экзамену, а пособием по созданию и развитию мотивации у подчиненных, написанным профессиональным баскетбольным тренером. Босх против воли рассмеялся и покачал головой.

– Знаете, Паундз, вы – это что-то с чем-то. По крайней мере, с вами не соскучишься, вынужден отдать вам должное.

Паундз выдернул у него из рук книгу и сунул ее в ящик стола.

– Что тебе надо, Босх? Ты же в курсе, что не должен здесь находиться. Ты отстранен от работы.

– Но вы же сами мне позвонили, разве нет?

– Я тебе не звонил!

– Машина. Вы сказали, вы хотите забрать у меня машину.

– Я сказал, чтобы ты сдал ее в гараж. А заявляться сюда я тебе не говорил. А теперь выметайся!

Лицо начальника начинало медленно багроветь. Сам Босх оставался спокоен и воспринял это как признак понизившегося уровня стресса. Он вытащил из кармана пиджака ключи от машины и швырнул их на стол перед Паундзом.

– Машина стоит перед дверями вытрезвителя. Хотите ее забрать – забирайте. Только на проверку в гараж сдавать ее будете сами. Это работа не для полицейского. Это работа для крючкотвора.

Босх развернулся, чтобы идти, и поднял с пола свой портфель. Потом с такой силой толкнул дверь, что она отлетела прямо в стеклянную перегородку. Весь офис содрогнулся от грохота, но ничего не разбилось. Босх обогнул конторку, на ходу бросив старику: «Простите за эту сцену, Генри», и, не глядя ему в глаза, двинулся к выходу в вестибюль.

Несколько минут спустя он стоял на обочине Уилкоккс-авеню напротив входа в участок, дожидаясь такси, которое он вызвал со своего мобильного телефона. Серый «шевроле-каприс», практически точная копия той машины, которую он только что сдал, затормозил прямо перед ним, и он наклонился, чтобы заглянуть внутрь. За рулем сидел ухмыляющийся Эдгар. Стекло в окошке пассажирской дверцы опустилось.

– Эй, бесстрашный герой, тебя подбросить?

Босх плюхнулся в машину.

– Тут на Ла-Бреа-авеню, рядом с бульваром, есть прокат машин.

– Да, знаю его.

Они некоторое время ехали молча, потом Эдгар со смехом покачал головой.

– Что?

– Да так... Ох уж этот Бернс. Я думал, он обделается, пока ты был у Паундза. Решил, что ты сейчас выйдешь оттуда и вышвырнешь его со своего места. Прямо смотреть жалко было.

– Черт. Надо было. Я не подумал.

В машине снова повисла тишина. Они ехали по бульвару Сансет в направлении Ла-Бреа-авеню.

– Гарри, ты просто не можешь удержаться, да?

– Наверное.

– Что у тебя с рукой?

Босх вскинул ладонь и принялся разглядывать повязку.

– А, ударился на прошлой неделе, когда ремонтировал террасу. Болит как черт знает что.

– Угу, ты бы поаккуратнее с Паундзом, а не то он устроит тебе черт знает что.

– Да он уже и так устроил.

– Слушай, да он же просто канцелярская крыса, говнюк мелкий. Почему бы тебе не плюнуть на все это? Ты же знаешь, что ты просто...

– Слушай, ты начинаешь говорить прямо как та баба, к которой меня отправили на психотерапию. Может, мне сегодня вместо нее с тобой часик побеседовать? Что думаешь?

– Возможно, она тебе дело говорит.

– Возможно, мне стоило поехать на такси.

– Я думаю, тебе стоит понять, кто твои друзья, и ради разнообразия к ним прислушаться.

– Приехали.

Эдгар притормозил перед зданием проката автомобилей. Босх вышел из машины еще до того, как она полностью остановилась.

– Гарри, погоди минуту.

Босх оглянулся на него.

– Что за история с этим Фоксом? Кто он вообще такой?

– Джерри, я сейчас не могу тебе об этом рассказать. Так будет лучше для всех.

– Ты уверен?

В портфеле у Босха зазвонил телефон. Он посмотрел на портфель, потом перевел взгляд обратно на Эдгара:

– Спасибо, что подбросил.

С этими словами он закрыл дверцу машины.

Глава 11

Звонила Киша Рассел из «Таймс». Она сказала, что откопала в архиве одну крошечную заметку, в которой фигурировало имя Фокса, но настаивала на том, что хочет рассказать Босху все лично. Это была часть игры, часть сделки. Он взглянул на часы. Время у него было. Он пообещал, что угостит ее обедом в «Пантри» в деловой части города.

Когда сорок минут спустя он вошел в ресторан, она уже ждала его в кабинке неподалеку от кассы.

- Ты опоздал.
- Прости, мне нужно было взять в прокат машину.
- Что, твою у тебя отобрали? Да, видимо, плохи твои дела.
- Это мы обсуждать не будем.
- Я понимаю. Ты в курсе, кому принадлежит этот ресторан?
- Да, мэру. Еда от этого хуже не становится.

Она криво ухмыльнулась и обвела зал взглядом, как будто он кишел муравьями. Мэр был республиканцем. «Таймс» была за демократов. Но хуже всего, во всяком случае в глазах Рассел, было то, что мэр поддерживал Управление полиции. Журналисты такое не любят. Это скучно. Им подавай внутренние распри в городской администрации, раскол, скандалы. Так куда интереснее.

– Прости, – сказал Босх. – Наверное, надо было предложить встретиться в «Горьком» или в каком-нибудь другом более либеральном заведении.

– Босх, не переживай. Я просто так шучу.

Ей было не больше двадцати пяти. Очень темнокожая, стройная и очень грациозная. Босх понятия не имел, откуда она родом, но предполагал, что не из Лос-Анджелеса. В ее речи проскальзывал еле уловимый акцент вроде карибского, над избавлением от которого, возможно, она немало потрудилась. И все же до конца он так и не исчез. Ему нравилось, как она произносила его имя. В ее устах оно звучало экзотически, точно разбивающаяся волна. Он не возражал против того, что она, хотя и была практически вдвое его младше, обращалась к нему просто по фамилии.

– Киша, откуда ты родом?

– А почему ты спрашиваешь?

– Почему? Да просто потому, что мне интересно, вот и все. Ты же работаешь в отделе криминальной хроники. Хочу знать, с кем я имею дело.

– Я отсюда, Босх. Приехала с Ямайки, когда мне было пять. Окончила Университет Южной Калифорнии. А ты откуда?

– Отсюда. Всю жизнь здесь прожил.

Он решил не упоминать о тех пятнадцати месяцах, которые провел на войне во Вьетнаме, и еще девяти, на протяжении которых его готовили к этому.

– Что у тебя с рукой?

– Поранился, когда дом ремонтировал. Решил вот заняться всякими делами, раз уж все равно в отпуске. Ну и как тебе работаете на месте Бреммера? Он просидел в отделе черт знает сколько времени.

– Да, знаю. Было нелегко. Но я осваиваюсь. Помаленьку. Завожу друзей. Надеюсь, ты будешь одним из них.

– Буду. Когда смогу. Давай посмотрим, что ты там накопала.

Она выложила на стол большой коричневый конверт и собралась его открыть, но тут к ним подошел официант, пожилой мужчина с напояженными усами. Рассел заказала сэндвич с

яичным салатом, Босх – хорошо прожаренный гамбургер с картошкой фри. Она нахмурилась, и он догадался почему.

– Ты вегетарианка, да?

– Угу.

– Прости. В следующий раз ты будешь выбирать место.

– Хорошо.

Она открыла конверт, и он заметил у нее на левом запястье несколько браслетиков. Они были разноцветные, сплетенные из ярких ниток. Он заглянул в конверт и увидел фотокопию маленькой газетной вырезки. Судя по размеру, это была одна из тех заметок, которые обычно печатают где-нибудь на последних страницах. Киша передала ему листок.

– Я думаю, это про твоего Джонни Фокса. Возраст правильный, но описание с твоим не сходится. Ты назвал его белой рванью.

Босх пробежал заметку глазами. Она была датирована 30 сентября 1962 года.

НАСМЕРТЬ СБИТ СОТРУДНИК

ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ШТАБА.

ВОДИТЕЛЬ, СОВЕРШИВШИЙ НАЕЗД, СКРЫЛСЯ

Монти Ким, штатный корреспондент «Таймс»

Двадцатидевятилетний сотрудник предвыборного штаба кандидата в окружные прокуроры погиб в эту субботу в Голливуде под колесами автомобиля, двигавшегося с превышением скорости, сообщает полиция Лос-Анджелеса.

Погибший был опознан как Джонни Фокс, проживавший в квартире на Айвар-стрит в Голливуде. По словам полиции, Фокс раздавал агитационные листовки в поддержку кандидата в окружные прокуроры Арно Конклина на перекрестке Голливудского бульвара и Ла-Бреа-авеню, когда машина, ехавшая с превышением скорости, сбила его при переходе проезжей части.

Фокс переходил Ла-Бреа-авеню приблизительно в 14 часов, когда на него был совершен наезд. Полиция сообщает, что Фокс, по всей видимости, погиб от удара, после чего машина протащила его еще несколько ярдов.

После столкновения автомобиль, сбивший Фокса, на мгновение притормозил, но потом вновь набрал скорость и скрылся. Свидетели сообщили следствию, что машина двигалась по Ла-Бреа-авеню в южном направлении на высокой скорости. Полицейские пока не установили местонахождение автомобиля, а свидетели не смогли достоверно назвать марку и модель машины. Следствие продолжается.

Руководитель избирательного штаба Конклина Гордон Миттел сообщил, что Фокс присоединился к кампании всего неделю назад. Конклин, который в прокуратуре возглавляет службу специальных расследований под курированием уходящего на пенсию окружного прокурора Джона Чарльза Стока, заявил, что не успел познакомиться с Фоксом лично, но глубоко

сожалеет о гибели человека, принимавшего участие в его избирательной кампании. От дальнейших комментариев кандидат отказался.

Прочитав заметку, Босх довольно долго изучал ее.

– А этот Монти Ким, он все еще работает?

– Ты смеешься? Это ж было сто лет назад. Тогда редакция состояла из кучки белых ребят в белых рубашечках с галстучками.

Босх бросил взгляд на собственную рубашку, потом на свою собеседницу.

– Прости, – сказала она. – В общем, он уже не работает. И я не в курсе про Конклина. Это было немного до меня. Он победил?

– Угу. Если не ошибаюсь, отработал два срока, а потом попытался пойти то ли в генеральные прокуроры, то ли еще куда-то и получил по рогам. Что-то в этом духе. Меня тогда здесь не было.

– Ты же только что сказал, что прожил здесь всю свою жизнь.

– Я на некоторое время уезжал.

– Во Вьетнам, да?

– Угадала.

– Ну да, многие полицейские твоего возраста там были. Та еще, наверное, была поездочка. Поэтому вы все потом подались в полицейские? Чтобы иметь возможность продолжать носить оружие?

– Что-то в этом роде.

– В общем, если этот Конклин все еще жив, он сейчас, вероятно, глубокий старик. А вот Миттел очень даже жив. Ты наверняка в курсе. Не исключено, что он сейчас тут, в одной из этих кабинок, обедает с мэром.

Она улыбнулась, но он не стал обращать на это внимания.

– Да, он теперь большая шишка. Что у него в послужном списке?

– У Миттела? Не знаю. Начинал он совладельцем одной крупной юридической конторы. Водил дружбу с губернаторами, сенаторами и прочими влиятельными людьми. Последнее, что я про него слышала, это что он занимался финансированием у Роберта Шеперда.

– У Роберта Шеперда? Ты имеешь в виду того компьютерного гения?

– Скорее уж компьютерного магната. Ну да, ты что, газет вообще не читаешь? Шеперд хочет баллотироваться, но не хочет тратить на это свои деньги. Миттел организывает финансирование его пробной кампании.

– Куда баллотироваться?

– Господи, Босх, ты и в самом деле не читаешь газет и не смотришь телевизор?

– Мне было не до того. Так куда он хочет баллотироваться?

– Ну, думаю, как и любой самовлюбленный маньяк, он метит в президенты. Но пока что нацелился на Сенат. Шеперд хочет быть независимым кандидатом. Говорит, что республиканцы слишком правые, а демократы слишком левые. А он ровно посерединке. И, судя по тому, что я слышала, если кто-то и может раздобыть для него денег, чтобы он мог удовлетворить свои амбиции, то это Миттел.

– Значит, Миттел хочет себе маленького карманного президента.

– Видимо. Только я не понимаю, почему ты задаешь мне все эти вопросы. Я журналистка, которая занимается криминальной хроникой. А ты полицейский. Какое отношение все это имеет к Гордону Миттелу?

Она указала на фотокопию газетной заметки. Босх спохватился, что задал слишком много вопросов.

– Я просто пытаюсь восполнить пробелы. Как ты и сказала, я не читаю газет.

– Не нужно читать газеты, нужно читать *газету*, – улыбнулась она. – Не дай бог, я застану тебя за чтением «*Дейли снюс*».

– Живые позавидуют мертвым, да?

– Что-то вроде того.

Босху показалось, что он развеял ее подозрения. Он взял в руки фотокопию вырезки.

– Там потом никакого продолжения не было? Никого так и не поймали?

– Видимо, нет, иначе об этом написали бы.

– Можно мне взять ее себе?

– Конечно.

– А ты не хочешь еще раз прогуляться до морга?

– Зачем?

– За заметками про Конклина.

– Босх, их там будут сотни. Ты же сам сказал, что он два срока оттрубил на должности окружного прокурора.

– Мне нужны только те заметки, которые были опубликованы до его избрания. А если у тебя будет время, посмотри и те, в которых фигурирует Миттел.

– Ты многого просишь. Если в редакции узнают, что я копаюсь в архивах по просьбе полицейского, у меня могут быть неприятности.

Она притворно надула губы, но он не придал значения и этому тоже. Он понимал, к чему она клонит.

– Ты не хочешь мне рассказать, зачем тебе все это надо, Босх?

Он снова промолчал.

– Я и не рассчитывала. Ладно, слушай, у меня сегодня еще два интервью. Мне пора бежать. Я могу поручить кому-нибудь из стажеров собрать вырезки и оставить их для тебя у охранника на входе с шаром. Они будут в конверте, так что никто не узнает, что там. Пойдет?

Он кивнул. Ему несколько раз доводилось бывать в редакции «Таймс», – как правило, он встречался там с репортерами. Это было огромное, на целый квартал, здание с двумя вестибюлями. В том, вход в который был с угла Первой улицы и Спринг-стрит, посередине красовался гигантский шар, ни на мгновение не прекращавший вращаться – прямо как новостные события, которые никогда не прекращали происходить.

– Ты просто оставишь их на мое имя? А у тебя не будет неприятностей? Ну, за слишком тесную дружбу с полицейским. Наверняка это у вас против правил.

– Не переживай. – Его саркастический тон вызвал у нее улыбку. – Если редактор или кто-нибудь еще спросит, я просто скажу, что это инвестиция в будущее. И советую тебе запомнить это, Босх. Дружба – это улица с двухсторонним движением.

– Не переживай. Я никогда этого не забуду.

Он наклонился через стол и приблизил к ней свое лицо.

– Я хочу, чтобы ты тоже кое-что запомнила. Одна из причин, по которым я тебе не говорю, зачем мне все это понадобилось, заключается в том, что я и сам пока толком этого не знаю. Только не проявляй излишнего любопытства. И никуда не звони. А не то можешь все испортить. И тогда будет плохо не только мне, но и тебе. Поняла?

– Поняла.

Официант с напыленными усами материализовался у столика с их тарелками.

Глава 12

– Я обратила внимание, что вы сегодня приехали раньше времени. Стоит ли мне воспринимать это как признак того, что вы хотите здесь находиться?

– Не совсем. Я просто обедал в городе с другом и оттуда поехал напрямик к вам.

– Что ж, рада слышать, что вы ходили куда-то с другом. Думаю, вам это на пользу.

Кармен Инохос сидела за столом. Перед ней лежал открытый блокнот, но она не делала попыток ничего записывать, просто сидела, сложив руки домиком. Казалось, она изо всех сил старается не сделать ничего такого, что могло бы быть воспринято как угроза диалогу.

– Что у вас с рукой?

Босх вскинул ладонь и устремил взгляд на перебинтованные пальцы:

– Молотком стукнул. Делал ремонт в доме.

– О, сочувствую. Надеюсь, ничего страшного.

– Жить буду.

– А почему вы в костюме? Надеюсь, вы не считаете, что обязаны являться на наши сессии в таком виде?

– Нет. Я... я просто люблю во всем постоянство. Я одеваюсь так, даже когда мне не надо на работу.

– Понимаю.

После того как она предложила ему кофе или воды, от которых Босх отказался, Инохос начала сессию.

– Скажите, о чем вы хотели бы поговорить сегодня?

– Мне все равно. Вы тут главная.

– Мне не хотелось бы, чтобы вы смотрели на наши отношения в таком ключе. Я тут не главная, детектив Босх. Я просто фасилитатор, человек, чья задача – помочь вам поговорить о том, о чем вы хотели бы поговорить, о том, что вас тяготит.

Босх молчал. У него не было никаких мыслей. Побарабанив ручкой по своему желтому планшету, Кармен Инохос пришла ему на выручку:

– Неужели совсем ни о чем?

– Ничего не приходит в голову.

– Тогда давайте поговорим о вчерашнем дне. Когда я позвонила вам, чтобы напомнить о нашей сегодняшней сессии, вы явно были чем-то расстроены. Это тогда вы ударили молотком по руке?

– Нет, дело было не в этом.

Он умолк, но она ничего не сказала, и он решил немного пойти ей навстречу. Как это ни удивительно, что-то в ней ему нравилось. От нее не исходило ощущения угрозы, и он верил, что она сказала правду, когда утверждала, что единственная ее цель – помочь ему.

– До того как вы позвонили, я узнал, что моего напарника, ну, то есть, в смысле, моего бывшего напарника, поставили в пару с другим полицейским. Мне уже нашли замену.

– И какие эмоции это у вас вызвало?

– Вы же сами слышали. Я был в бешенстве. Да и кто бы на моем месте не был? Потом я позвонил моему напарнику, а он разговаривал со мной как с отработанным материалом. Я многому его научил, и...

– И что?

– Не знаю. Наверное, это меня задело.

– Понимаю.

– Нет, не думаю, что вы понимаете. Чтобы воспринять это так, как воспринял я, нужно быть мной.

– Пожалуй, это справедливо. Но я могу вам посочувствовать. Давайте на этом и остановимся. Позвольте задать вам вопрос. Разве то, что в пару с вашим напарником поставят нового человека, стало для вас неожиданностью? Ведь согласно уставу управления детективы работают в парах. Вы отстранены от работы на неопределенный срок. Разве не само собой разумелось, что ему дадут другого напарника, не важно, на время вашего отстранения или постоянно?

– Наверное.

– Разве работать в парах не безопаснее?

– Наверное.

– А что говорит ваш опыт? Вы чувствовали себя в большей безопасности, когда оказывались на задании вместе с напарником, чем когда действовали в одиночку?

– Да, я чувствовал себя в большей безопасности.

– Значит, то, что произошло, было неизбежным и логичным, и тем не менее вы разозлились.

– Дело было не в том, что это произошло. Меня разозлило то, каким тоном он со мной говорил и как повел себя, когда я позвонил. Я почувствовал себя так, как будто я больше не нужен. Я попросил его об одной услуге, а он... не знаю.

– Что он?

– Он заколебался. Напарники так себя не ведут. Во всяком случае, друг с другом. Они должны друг друга поддерживать. Говорят, что это во многих отношениях как брак, но тут ничего не могу сказать, я сам никогда женат не был.

Она принялась что-то записывать в свой блокнот, и Босх задался вопросом, что из только что им сказанного могло показаться ей столь важным.

– Судя по всему, – произнесла Инохос, не прекращая писать, – вы плохо переносите фрустрацию.

Это утверждение немедленно разозлило его, но он понимал: продемонстрировав свою злость, он подтвердит ее правоту. Возможно, конечно, это был всего лишь хитрый прием, призванный вызвать у него именно такую реакцию. Он попытался взять себя в руки.

– А что, разве не у всех так? – спросил он натянутым тоном.

– До какой-то степени, наверное. Когда я просматривала ваше личное дело, я обратила внимание, что вы были в армии во время Вьетнамской войны. Вы видели боевые действия?

– Видел ли я боевые действия? Да, я видел боевые действия. И даже сам в них участвовал. Непосредственно. Почему люди всегда спрашивают, видел ли я боевые действия, как будто это какое-то кино, на которое нас возили?

Инохос долго молчала, держа ручку в руке, но не делая никаких попыток ничего записать. Такое впечатление, что она просто ждала, когда паруса его гнева сдуются. Он сделал рукой знак, который, он надеялся, она истолкует как извинение и заверение, что его уже отпустило и они могут продолжать.

– Прошу прощения, – на всякий случай произнес он вслух.

Она по-прежнему молчала, и ее взгляд начал его тяготить. Он отвернулся от нее к книжным полкам, которые тянулись вдоль стены кабинета. Они были заставлены объемистыми трудами по психиатрии в кожаных переплетах.

– Прошу прощения, что вторгаюсь в такую чувствительную область, – сказала она наконец. – Причина, по которой...

– Но ведь ради этого все и затевалось, верно? У вас есть право вторгаться, и я ничего не могу с этим сделать.

– Тогда смиритесь с этим, – произнесла она строго. – Мы с вами уже обсуждали этот вопрос. Чтобы я могла вам помочь, мы должны говорить о вас. Смиритесь с этим, и тогда, возможно, у нас получится продвинуться дальше. Так вот, я говорила, что причина, по которой я

упомянула войну, заключается в том, что я хотела спросить: известно ли вам о посттравматическом стрессовом синдроме? Вы когда-нибудь о нем слышали?

– Ну да, разумеется. Слышал.

– Так вот, детектив. В прошлом его главным образом ассоциировали с военнослужащими, возвращающимися с войны, но это не только военная или послевоенная проблема. Она может возникнуть в результате нахождения в стрессовой обстановке любого рода. Любого рода. И должна сказать, что вы прямо-таки ходячий пример симптомов этого синдрома.

– Вашу ж мать, – произнес он, качая головой, и повернулся в своем кресле так, чтобы не смотреть ни на нее, ни на ее книжный шкаф. Его взгляд был устремлен на небо за окном. На нем не было ни облачка. – Вы сидите тут в своих кабинетиках и понятия не имеете...

Он не договорил и лишь снова покачал головой. Потом ослабил узел галстука. Казалось, ему не хватает воздуха.

– Выслушайте меня, детектив, ладно? Просто взгляните фактам в лицо. Вы можете представить себе, у кого в этом городе за последние несколько лет было больше стресса, чем у полицейских? После Родни Кинга⁶ и связанного со всей этой историей повышенного внимания к полиции, беспорядков, пожаров, наводнений и землетрясений всем полицейским впору писать книги об управлении стрессом.

– Пчел-убийц забыли упомянуть.

– Я серьезно.

– Я тоже. Про это было в новостях.

– И вот во время всего того, что происходило и происходит в этом городе, во время всех этих катаклизмов, кто каждый раз оказывается в центре событий? Полицейские. Те, кто должен реагировать. Те, кто не может отсидеться дома, спрятаться и подождать, пока все не закончится. А теперь перейдем от обобщения к частному. Вы, детектив. Вы были на переднем крае во время всех этих кризисов. В то же самое время от вашей непосредственной работы вас никто не освобождал. Убийства. Это одна из самых стрессовых областей работы в управлении. Скажите, сколько убийств вы расследовали за последние три года?

– Послушайте, я не ищу себе оправданий. Я уже вам сказал, я сделал то, что сделал, потому что так захотел. Это не имеет никакого отношения ни к беспорядкам, ни...

– Сколько трупов вы осматривали? Просто ответьте на мой вопрос. Сколько их было? Сколько было вдов, которым вы принесли трагическую новость? Сколько матерей, которым вы сообщили о гибели их детей?

Он потер лицо ладонями. Больше всего ему сейчас хотелось скрыться от ее взгляда.

– Много, – прошептал он наконец.

– Много – это еще слабо сказано.

Он с шумом выдохнул.

– Спасибо, что ответили на мой вопрос. Я не пытаюсь загнать вас в угол. Смысл моих вопросов и этого экскурса в социальную, культурологическую и даже геологическую проблематику заключается в том, что вы пережили такое, что большинству обычных людей и не снилось. И это я еще даже не упомянула о тех травмах, которые могло вам нанести пребывание во Вьетнаме, и о разрыве романтических отношений. Но каковы бы ни были причины, симптомы стресса отчетливо дают о себе знать. Они видны как божий день. Ваша нетерпимость, ваша неспособность сублимировать фрустрацию и в первую очередь ваше нападение на старшего по званию.

Она сделала паузу, но Босх не стал ничего говорить. У него было чувство, что она еще не закончила. Так оно и оказалось.

⁶ *Родни Кинг* – чернокожий гражданин США, преступник, чье задержание полицейскими в ночь на 2 марта 1991 года спровоцировало беспорядки в Лос-Анджелесе.

– Есть и другие признаки, – продолжила она. – Ваше упорное нежелание покидать ваш поврежденный дом можно интерпретировать как форму отказа признавать то, что происходит вокруг вас. Есть и физические симптомы. Вы давно в последний раз смотрели на себя в зеркало? Мне не нужно даже задавать вопросы, чтобы понять, что вы слишком много пьете. И ваша рука. Никаким молотком вы по ней не били. Вы уснули с сигаретой. Я готова прозакладывать свой диплом, что у вас там ожог.

Она выдвинула ящик стола и достала оттуда два пластиковых стаканчика и бутылку воды. Наполнив стаканчики, она придвинула один к нему. Предложение мира. Босх молча смотрел на нее. Он чувствовал себя абсолютно и безвозвратно выпотрошенным. И в то же самое время он не мог не поражаться тому, как она ловко его раскусила. Сделав глоток воды, Инохос продолжила:

– Все эти вещи указывают на наличие посттравматического стрессового расстройства. Но тут возникает одна маленькая проблема. Приставка «пост» в данном случае указывает на то, что стресс уже позади. Но в нашем с вами случае это не так. Не в Лос-Анджелесе. Не с вашей работой. Гарри, вы находитесь в ситуации непрекращающегося колоссального психологического давления. Вам совершенно необходима передышка. Вот ради чего этот отпуск. Это передышка. Время на то, чтобы восстановиться и прийти в себя. Не сопротивляйтесь. Воспользуйтесь этой возможностью. Это лучший совет, который я могу вам дать. Воспользуйтесь этой возможностью по максимуму. Чтобы сохранить себя.

Босх выдохнул и вскинул перевязанную руку:

– Можете с чистой совестью оставить свой диплом при себе.

– Спасибо.

Они некоторое время молчали, потом она продолжила говорить тоном, который, видимо, был призван успокоить его:

– Кроме того, вы должны знать, что вы такой не один. Тут совершенно нечего стыдиться. В последние три года мы видим резкий скачок инцидентов, связанных со стрессом у полицейских. Наш отдел только что отправил в городскую администрацию заявку на еще пятерых психологов. С девяностого года наша нагрузка возросла с тысячи восьмисот консультационных сессий более чем в два раза! У нас даже есть название для того, что происходит. Голубая тоска, Гарри. И это именно то, что я вижу у вас.

Босх с улыбкой покачал головой, продолжая из последних сил упорствовать в своем отрицании.

– Голубая тоска. Звучит прямо как название какого-нибудь романа Уэмбо.

Она ничего не ответила.

– То есть вы хотите сказать, что возвращение на работу мне не светит.

– Нет, я вовсе не хочу сказать ничего такого. Я хочу сказать, что нам с вами предстоит большая работа.

– Такое ощущение, будто меня уложила на обе лопатки чемпионка мира. Вы не возражаете, если я буду время от времени вам звонить, когда надо будет расколоть какого-нибудь матерого преступника?

– Поверьте мне, то, что вы сейчас это говорите, уже само по себе отличное начало.

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы хотели сюда приходить. Это все. Чтобы вы не относились к этому как к повинности. Я хочу от вас взаимодействия, а не противодействия. Я хочу, чтобы, когда мы будем говорить, вы говорили обо всем и ни о чем. Все, что придет вам в голову. Ничего не утаивая. И еще один момент. Я не требую от вас вообще бросить пить, но вы должны сократить употребление алкоголя. Вам нужна ясная голова. Не мне вам говорить, что воздействие алкоголя на человека сохраняется еще долгое время после того, как он был употреблен.

– Я постараюсь. Все, что вы сказали. Постараюсь.

– Это все, о чем я вас прошу. И раз уж вы внезапно проявили такую готовность пойти мне навстречу, еще одна мысль. У меня завтра в три часа дня отменилась сессия. Сможете подъехать?

Босх заколебался.

– Мы с вами, похоже, наконец смогли найти общий язык, и я думаю, что это пойдет на пользу. Чем быстрее мы с вами закончим нашу работу, тем скорее вы сможете вернуться к своей. Ну, что скажете?

– В три?

– Да.

– Ладно, я буду.

– Отлично. А теперь давайте вернемся к нашему диалогу. Почему бы вам не начать? Расскажите мне что угодно, о чем бы вы хотели поговорить.

Босх наклонился вперед, взял стаканчик и, в упор глядя на Инохос, сделал несколько глотков воды, потом поставил его на стол.

– Просто что-нибудь сказать?

– Что хотите. О том, что происходит в вашей жизни. Или любые ваши мысли, которыми вы хотели бы поделиться.

Он на некоторое время задумался.

– Вчера ночью я видел койота. Неподалеку от моего дома. Я... наверное, я был не совсем трезв, но я уверен, что я его видел.

– Почему это показалось вам таким важным?

Он попытался сформулировать внятный ответ.

– Я и сам не очень понимаю... Наверное, их в городе не так уж и много осталось – во всяком случае, поблизости от меня. Так что каждый раз, когда я вижу койота, у меня мелькает мысль, что он может быть последним оставшимся здесь. Понимаете? Последний койот. И наверное, будет печально, если когда-нибудь это именно так и окажется, если я никогда больше не увижу ни одного койота.

Инохос кивнула, как будто ему удалось заработать очки в игре, в которую он не очень понимал, как играть.

– Раньше в каньоне неподалеку от моего дома жил койот. Я время от времени видел этого парня, и...

– Почему вы решили, что это был именно парень? Что позволило вам сделать такой вывод?

– Даже не знаю. Наверное, просто так. Всего лишь предположение.

– Ясно. Продолжайте.

– Этот парень... ну, то есть койот, он жил рядом с моим домом, и я время от времени его видел. А после землетрясения он исчез. Я не знаю, что с ним случилось. А потом вчера ночью я увидел того, другого. Был туман, и светили фонари... ну и, в общем, его мех казался голубым. У него был голодный вид. Они производят такое впечатление... грустное и пугающее одновременно. Понимаете?

– Да, понимаю.

– Ну, в общем, когда я пришел домой и лег в постель, я о нем думал. Тогда я и обжег руку. Уснул с сигаретой. Но перед тем как я проснулся, мне приснился сон. Ну, то есть я думаю, что это был сон. Возможно, это было что-то вроде видения на границе между сном и явью. В общем, я снова увидел койота. Только он был со мной. И мы с ним находились не то в каньоне, не то на склоне холма, я точно не помню. – Он вскинул руку. – А потом я почувствовал ожог.

Инохос кивнула, но вслух ничего не сказала.

– Ну, что думаете? – спросил он ее.

– Ну, я не часто занимаюсь толкованием снов. Честно говоря, я не уверена, что это имеет какую-либо ценность. А вот что, по моему мнению, имеет настоящую ценность, это ваша готовность рассказать мне свой сон. Это показывает мне, что в вашем подходе к нашим сессиям произошел разворот на сто восемьдесят градусов. На мой взгляд, вы совершенно очевидно ассоциируете себя с этим койотом. Возможно, таких полицейских, как вы, осталось не слишком много, и вы чувствуете точно такую же угрозу своему существованию или своей миссии. Сложно утверждать наверняка. Но вспомните свои же собственные слова. Вы сказали, что койоты кажутся вам грустными и пугающими одновременно. Возможно, эти слова тоже относятся к вам самому?

Прежде чем ответить, он сделал еще несколько глотков воды.

– Раньше я испытывал грусть. Но потом стал находить в ней утешение.

Они довольно долго сидели молча, переваривая все сказанное. Потом она взглянула на часы:

– У нас с вами еще осталось время. Может, вы хотите еще о чем-нибудь поговорить? К примеру, о чем-то, что имеет отношение к этой истории?

Босх некоторое время обдумывал ее вопрос, потом вытащил сигарету.

– Сколько у нас времени?

– Столько, сколько вам будет нужно. О времени можете не беспокоиться. Я хочу довести дело до конца.

– Вы в прошлый раз говорили о моей миссии. Вы велели мне подумать о том, в чем она заключается. И только что снова произнесли это слово.

– Да.

Он колебался.

– Все, что я здесь говорю, защищается законом о медицинской тайне?

Инохос свела брови.

– Я не собираюсь рассказывать вам ничего криминального. Я имею в виду, то, что я вам скажу, не пойдет дальше вас? Вы не передадите мои слова Ирвингу?

– Ни в коем случае. Все, что вы мне говорите, никогда не выйдет за пределы этого кабинета. Это непреложное правило. Я же вам уже говорила, я передаю заместителю начальника Ирвингу краткое узконаправленное заключение относительно того, рекомендовано вам возвращение к работе или нет. Это все.

Босх кивнул, еще немного колебался, а потом принял решение рассказать ей.

– Ну, в общем, вы говорили про мою миссию, и про свою миссию, и про все такое прочее, и, короче, я думаю, что у меня уже очень давно есть миссия. Просто я об этом не знал, ну, то есть... не хотел этого признавать. Не знаю, как правильно объяснить. Наверное, мне было страшно или что-то в этом роде. Я не думал об этом. Много лет. Так или иначе, я пытаюсь вам сказать, что теперь я принял это.

– Я не уверена, что понимаю вас, Гарри. Вам придется пояснить мне, что вы имеете в виду.

Босх уткнулся взглядом в серый ковер на полу. И заговорил, обращаясь к нему, потому что не представлял, как сказать все это ей в лицо.

– Я сирота... Я никогда не знал своего отца, а мою мать убили, когда я был ребенком. Здесь, в Голливуде. Тогда никто... никого за это так и не арестовали.

– Вы ищете ее убийцу, я правильно вас понимаю?

Он вскинул на нее глаза и кивнул:

– Сейчас моя миссия заключается именно в этом.

На лице Инохос не отразилось ни намек на потрясение, и это его удивило. Такое впечатление, что она ожидала услышать ровно то, что он только что сказал.

– Расскажите мне об этом.

Глава 13

Босх сидел за обеденным столом с блокнотом и вырезками из газет, которые по поручению Киши Рассел собрал для него стажер из «Таймс». Вырезки он разложил в две отдельные стопки: в одну заметки про Конклина, в другую про Миттела. Перед ним на столе стояла бутылка пива, и он весь вечер цедил его по капле, точно сироп от кашля. Это был лимит, который он для себя установил: одна бутылка. Зато пепельница была переполнена, и над столом висел сизоватый дымок. В сигаретах он себя ограничивать не стал. Про курение Инохос ничего не говорила.

Зато про его миссию сказала очень даже много всего. Она ровным голосом посоветовала ему взять паузу до тех пор, пока он не станет эмоционально устойчивее и будет морально готов к тому, что может узнать в процессе расследования. Он ответил, что зашел уже слишком далеко, чтобы останавливаться. Тогда она сказала нечто такое, что он обдумывал всю дорогу домой, и даже теперь эта мысль нет-нет да и всплывала у него в голове.

– Я очень советую вам хорошенечко подумать, действительно ли вы этого хотите, – сказала она. – Не исключено, что вы подсознательно шли к этому всю свою жизнь. И возможно, это та причина, по которой вы стали тем, кто вы есть. Полицейским, расследующим убийства. Раскрыв убийство своей матери, вы можете обнаружить, что у вас нет больше внутренней потребности быть полицейским. Это может лишить вас того, что все эти годы двигало вас вперед, лишить вас вашей миссии. Вы должны быть готовы к этому, в противном случае вам лучше отступить.

Пожалуй, Инохос была права. Босх понимал, что всю жизнь жил с этим. То, что случилось с его матерью, в некоторой степени определило все, что он делал после этого. И это всегда присутствовало в его сознании, в самом потаенном его уголке. Обещание найти убийцу. Обещание отомстить. Он никогда не произносил этого вслух и даже никогда не думал сколько-нибудь отчетливо. Потому что, будь это так, это уже было бы планирование, а у него никогда ничего такого на повестке не стояло. И тем не менее у него было ощущение, что то, что он делает, было неизбежно, как будто было много лет назад намечено чьей-то незримой рукой.

Он отвлекся от Инохос и сосредоточился на воспоминании. Он находился под водой с раскрытыми глазами и смотрел наверх, откуда сквозь толщу воды пробивался свет. А потом этот свет вдруг заслонил расплывчатый силуэт, точно темный ангел, парящий в вышине. Босх оттолкнулся от дна и поплыл наверх, навстречу этому ангелу.

Он протянул руку к бутылке и прикончил пиво одним глотком. А потом попытался снова сосредоточиться на лежавших на столе вырезках.

Поначалу он был удивлен тем, сколько оказалось заметок, в которых фигурировал Арно Конклин до своего воцарения на должности окружного прокурора. Однако, начав их проглядывать, он быстро понял, что в большинстве своем это были будничные репортажи о судебных заседаниях, на которых Конклин выступал в роли государственного обвинителя. И тем не менее это помогло Босху составить себе некоторое представление об этом человеке сквозь призму дел, с которыми он работал, и его стиле как обвинителя. Было совершенно ясно, что его звезда как в прокуратуре, так и в глазах общества возшла благодаря череде нескольких весьма громких дел.

Заметки были сложены в хронологическом порядке, и сначала Босх прочитал о выигранном в 1953 году деле против женщины, которая отравила обоих родителей, а их тела хранила в чемоданах в гараже до тех пор, пока через месяц соседи не начали жаловаться на невыносимый запах. Этому процессу «Таймс» посвятила аж несколько статей, в которых Конклина обильно цитировали. В одной из них он был описан как «бравый заместитель окружного прокурора». Линия защиты строилась на требовании признать подсудимую невменяемой – в те годы

эта практика была еще не столь широко распространена. Женщина пыталась представить себя ограниченно дееспособной. Однако, судя по количеству публикаций, дело вызвало в обществе волну негодования, и на то, чтобы признать подсудимую виновной, у присяжных ушло всего полчаса. Женщину приговорили к смертной казни, а Конклин снискал себе в глазах широкой публики немеркнущий образ поборника общественной безопасности и негибаемого борца за справедливость. В одной из статей обнаружилась фотография, на которой он был запечатлен разговаривающим с журналистами после вынесения вердикта. Определение, данное зампрокурора в предыдущей статье, оказалось на удивление метким. На нем был темный костюм-тройка, светлые волосы коротко подстрижены, лицо чисто выбрито. Высокий и подтянутый, он обладал внешностью пышущего здоровьем образцового американца; актеры за приближение к этому идеалу платят пластическим хирургам тысячи долларов. Арно был готовой звездой.

В стопке были заметки и о других, более поздних судебных процессах по обвинению в убийствах. Конклин выиграл их все до единого. И каждый раз просил – и добивался – смертной казни. Босх обратил внимание на то, что, судя по публикациям, датированным второй половиной пятидесятих годов, его тогда уже повысили до должности первого заместителя окружного прокурора, а к концу пятидесятих – до ассистента, одной из самых высоких должностей в прокуратуре. С учетом того, что это произошло всего лишь за одно десятилетие, это был просто головокружительный карьерный взлет.

Далее следовала заметка о пресс-конференции, на которой окружной прокурор Джон Чарльз Сток объявил, что назначает Конклина главой отдела специальных расследований и поручает ему покончить с преступностью в области нравственности, которая угрожала общественному устройству округа Лос-Анджелес.

– Я всегда поручал Арно Конклину самые сложные задачи, – заявил окружной прокурор. – И на этот раз я тоже рассчитываю на него. Жители Лос-Анджелеса хотят жить в добропорядочном сообществе, и, клянусь Богом, мы будем в нем жить. Советую тем, кто понимает, что мы идем за вами: уезжайте. Вас с распростертыми объятиями примут в Сан-Франциско. Вас с распростертыми объятиями примут в Сан-Диего. Но в Городе ангелов вам места нет!

За этой заметкой последовали несколько публикаций с кричащими заголовками, охватывавшие период примерно в пару лет, в которых сообщалось об успешной борьбе с игорными заведениями, притонами, публичными домами и уличной проституцией. Конклин командовал сводным отрядом из сорока полицейских, откомандированных из всех подразделений в округе. Главной целью «Коммандос Конклина», как окрестили их «Таймс», был Голливуд, но карающий меч закона разил нечестивцев во всех без исключения уголках округа. Все, кто зарабатывал на чужих пороках от Лонг-Бич и до пустыни, в ужасе спасались бегством – во всяком случае, если верить газетным статьям. Босх ничуть не сомневался, что короли порока, за которыми охотились Конклин с его коммандос, преспокойно вели себе свой бизнес и дальше, а если кто и попадался в сети полиции, то лишь мелкая рыбешка, скромные низовые работники, заменить которых было раз плюнуть.

Последняя заметка в стопке вырезок про Конклина была датирована 1 февраля 1962 года. В ней сообщалось, что он намерен баллотироваться на высшую должность в окружной прокуратуре, а в своей избирательной кампании ставку собирался делать на обещание с удвоенной силой взяться за избавление округа от преступлений против нравственности. Босх отметил, что в основе официальной речи, прочитанной Конклином на ступенях старого здания суда в деловой части города, лежала хорошо известная полицейская философия, которую он, ну или тот, кто писал ему речь, по всей вероятности, решил позаимствовать и выдать за оригинальную мысль.

Мне иногда говорят: «Из-за чего столько шума, Арно? В этих преступлениях нет жертв. Если кому-то хочется сделать ставку на тотализаторе или переспать с женщиной за деньги, что в этом плохого? Где жертва?» Так

вот, друзья мои, я скажу вам, что в этом плохого и кто становится жертвой. Жертвами становимся мы все. Каждый из нас. Когда мы позволяем подобным вещам происходить, когда мы закрываем на это глаза, это ослабляет нас всех. Всех до единого.

Я смотрю на это следующим образом. Каждое из этих так называемых незначительных преступлений сродни разбитому окну в заброшенном доме. Вроде бы не такая уж и большая проблема, верно? Верно, да неверно. Если никто не починит это окно, очень скоро дети, проходя мимо, начнут считать, что всем все равно. А раз всем все равно, значит можно кидать камни и бить другие окна. А дальше какой-нибудь преступник, проезжая по улице, увидит этот дом и решит, что вокруг живут люди, которым ни до чего нет дела. А раз никому ни до чего нет дела, значит можно грабить другие дома, пока их владельцы на работе.

Потом не успеете вы оглянуться, как объявится еще какой-нибудь негодяй и начнет среди бела дня угонять с улиц машины. И так далее и тому подобное. И в конце концов все жители начнут смотреть на свой район другими глазами. Они скажут себе: всем все равно, что у нас тут творится, так почему мне должно быть не все равно? Они перестанут вовремя подстригать лужайку перед домом. Они не станут ничего говорить соседским ребятишкам, которые вместо школы курят на углу. Это постепенный упадок, друзья мои. И это то, что повсеместно происходит сейчас во всех уголках нашей великой страны. Эта зараза проникает в наши дворы, как сорняки. Так вот, когда я стану окружным прокурором, я искореню эту заразу.

Заканчивалась публикация сообщением о том, что Конклин выбрал молодого активиста из прокуратуры, которому поручил руководить его кампанией. Он сообщил, что Гордон Миттел уйдет со своей должности в прокуратуре и немедленно приступит к работе в новом качестве. Босх снова перечитал заметку и тут же споткнулся о деталь, которая ускользнула от его внимания в первый раз. Это было во втором абзаце.

Для хорошо известного и не чуждающегося общения с прессой Конклина это будет первая попытка баллотироваться на публичную должность. Тридцатипятилетний холостяк, проживающий в Хэнкок-Парке, заявил, что давно уже планировал баллотироваться и что в этом намерении его полностью поддерживает уходящий на пенсию нынешний окружной прокурор Джон Чарльз Сток, который также присутствовал на пресс-конференции.

Босх перевернул листки блокнота обратно, к странице, на которой был список имен, и записал напротив фамилии Конклина: «Хэнкок-Парк». Это было не слишком много, однако косвенно подтверждало правдивость рассказа Кэтрин Регистер. И было достаточно для того, чтобы в Босхе проснулся охотничий азарт. По крайней мере, у него начинало что-то наклеиваться.

– Лицемер чертов, – пробормотал он себе под нос.

Он обвел имя Конклина в блокноте, потом продолжил рассеянно чертить все новые и новые круги, пытаясь решить, что делать дальше.

Последнее, что было известно про Марджори Лоуи, это что она собиралась на вечеринку где-то в Хэнкок-Парке. По словам Кэтрин Регистер, там она намеревалась встретиться с Конклином. После того как она была обнаружена мертвой, Конклин позвонил детективам, которые вели дело, чтобы договориться о встрече, но, если разговор между ними и состоялся, никаких свидетельств в деле не осталось. Босх понимал, что это всего лишь некий набор фактов и совершенно неизвестно, существовала ли между ними какая-то корреляция, однако же все это

подтвердило и укрепило подозрения, которые возникли у него в тот вечер, когда он впервые ознакомился с делом. Что-то там было нечисто. Что-то не сходилось. И чем больше Босх об этом думал, тем больше приходил к выводу, что это что-то – Конклин.

Пошарив в кармане пиджака, который висел на спинке стула, он вытащил записную книжку и отправился на кухню, откуда позвонил на домашний телефон заместителю окружного прокурора Роджеру Гоффу.

Гофф был давним другом, который разделял страсть Босха к тенор-саксофону. Не счесть было дней, которые они провели вместе в судах, сидя бок о бок на заседаниях, и вечеров, когда они так же бок о бок сидели в барах, слушая джаз. Гофф был юристом старой закалки, который проработал в прокуратуре без малого тридцать лет. Никаких политических амбиций как на рабочем месте, так и вне его у него не было. Он просто любил свою работу. И никогда от нее не уставал, что делало его уникалом. За время пребывания Гоффа на должности сотни заместителей успели прийти в прокуратуру, выгореть и уйти в корпоративные юристы, а он все работал и работал. Теперь большая часть обвинителей и защитников, с которыми он сталкивался в коридорах здания Уголовного суда, были на добрых два десятка лет его моложе. Однако он по-прежнему делал свое дело, и делал его хорошо, и главное, в голосе его, когда он, стоя перед присяжными, призывал высшие силы и общество обрушить всю мощь своего гнева на голову очередного подсудимого, по-прежнему звенела неподдельная страсть. Твердость в сочетании с неизменной беспристрастностью сделали его подлинной легендой в судебных кругах. И он был в числе тех немногих прокурорских, кого Босх глубоко уважал.

– Роджер, это Гарри Босх.

– Эй, чертяка, как поживаешь?

– Сносно. Что поделываешь?

– Ящик смотрю, как все нормальные люди. А ты чем занимаешься?

– Да ничем. Послушай, ты помнишь Глорию Джеффрис?

– Гло... Черт, разумеется, я ее помню. Так, дай-ка сообразить. Она... ну да, это та, у которой мужа полностью парализовало в результате аварии на мотоцикле, верно?

Он произнес все это таким тоном, как будто зачитывал обстоятельства дела в суде.

– Ей осточертело за ним ухаживать. Поэтому в один прекрасный день она уселась ему на лицо и сидела, пока он не задохнулся. Его смерть чуть было не списали на естественные причины, если бы не один въедливый детектив по имени Гарри Босх, который вцепился в это дело, как бульдог. Он нашел свидетельницу, которой Глория все рассказала. Решающим моментом, который переломил мнение присяжных, было то, что она сказала свидетельнице, что, когда она душила его, это был первый оргазм, который ей удалось испытать за все время жизни с этим бедолагой. Ну, что ты скажешь о моей памяти?

– Ну ты даешь!

– А с чего ты вдруг про нее вспомнил?

– Она сейчас готовится выйти из Фронтеры⁷. По УДО. Я хотел тебя попросить, не сможешь ли ты написать им письмишко.

– Что, уже? Когда же это было-то? Года три-четыре назад?

– Почти пять. Я слышал, она за время отсидки стала ревностной христианкой и в следующем месяце идет на комиссию. Я напишу им письмо, но было бы хорошо, если бы было еще одно, от обвинителя.

– Не переживай, у меня в компьютере есть шаблон. Нужно только изменить имя и статью и добавить пару-тройку подробностей поотвратительнее. Там все в том духе, что преступление было настолько гнусным, что о досрочном освобождении думать слишком рано. Хорошее письмо. Я завтра отправлю. Обычно оно творит чудеса.

⁷ Фронтера – женская тюрьма, расположенная в сорока пяти милях к югу от Лос-Анджелеса.

– Отлично. Спасибо.

– Знаешь, лучше бы они перестали выдавать этим бабам Библию. Они все как одна на комиссии начинают заливать про религию. Ты бывал когда-нибудь на заседании?

– Пару раз.

– Угу, достаточно посидеть там полдня, чтобы тебе захотелось выйти в окно. Меня как-то отправили во Фронтеру, когда на комиссию выходила одна из баб Мэнсона. Когда речь идет о ком-то, кто совершил настолько громкое преступление, посылают человека, а не письмо. Ну и в общем, я приехал туда и проторчал на этой комиссии черт знает сколько времени, дожидаясь, когда наконец пригласят мою красавицу. Этих баб перед моими глазами успело пройти штук десять. И скажу я тебе, все как одна цитировали Послания к Коринфянам, Откровение, Евангелие от Матфея, от Павла, от Иоанна, от черта лысого. И это работает! Все проходит как по маслу! Эти старые ослы из комиссии сидят, радостно развесив уши, и кивают. Принимают все за чистую монету. Ну, конечно, приятно же, когда перед тобой пресмыкается столько баб сразу! Ладно, Гарри, если я сейчас заведусь окончательно, то уже не успокоюсь. А все ты со своими вопросами!

– Ну прости.

– Ладно, ничего страшного. Что еще у тебя новенького? Что-то я в последнее время не видел тебя в конторе. Что там с делами, есть что-нибудь на передачу в суд?

Этого-то вопроса Босх от Гоффа и дожидался, чтобы как бы невзначай перевести разговор на Арно Конклина.

– Да пока ничего. Все, что есть, еще в процессе. Да, кстати, ты, случайно, не знал Арно Конклина?

– Арно Конклина? Знал, конечно. Он принимал меня на работу. А с чего ты вдруг про него спрашиваешь?

– Да так просто. Просматривал тут на досуге давнишние дела – хотел освободить место в одном из шкафчиков и наткнулся на старые вырезки из газет. Завалились в дальнем углу. Среди них обнаружилось несколько заметок про Конклина, и я подумал про тебя. Что ты, должно быть, как раз примерно тогда и начинал.

– Да, Арно старался быть хорошим человеком. Конечно, заносился немного, как на мой взгляд, но в общем и целом он был приличным человеком. В особенности учитывая, что он пытался быть одновременно политиком и юристом.

Гофф засмеялся над собственной остротой, но Босх молчал. Гофф употребил прошедшее время. Босх почувствовал, как в груди у него что-то скрутилось в тугой узел, и лишь тогда понял, насколько сильной может быть жажда мести.

– Он что, уже умер?

Босх закрыл глаза, надеясь, что Гофф не обратит внимания на напряженные нотки, которые против воли прозвучали в его голосе.

– О нет, он жив. Я сказал «был», потому что имел в виду те времена, когда я его знал. Тогда он был хорошим человеком.

– Он до сих пор где-нибудь практикует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.